

65-летию
Великой Победы
посвящается

**НУЖНО ПОМНИТЬ,
ЧТОБЫ ЖИТЬ**

1941-
1945

Дорогие друзья!

Чем дальше уходят в прошлое те грозные годы, тем зримее и полнее предстает перед миром величие подвига советского народа, спасшего человечество от фашизма. Победная весна 1945 года поистине стала весной всего человечества. Сегодня мы отмечаем 65 лет Победы советских людей в Великой Отечественной войне.

Эта книга – свидетельства, воспоминания, дань памяти подвигу и мужеству наших земляков: участников страшных боев, блокадников, чьи слезинки замерзали на голодных щеках, тружеников тыла, показавших всему человечеству пример героизма и верности Родине.

Постепенно тает поколение людей, переживших войну. Давно умерла бабушка, ушла из жизни мама, но фотография по-прежнему хранится в семейном альбоме и в этой книге. С ее страниц на нас смотрят песоченцы, ленинградцы, наши россияне, не пожалевшие своей жизни ради того, чтобы мы жили. Любые свидетельства тех далеких лет нам сегодня очень ценны.

Обращаемся к наследникам наших ветеранов – их детям, внукам и правнукам.

Будем вечно помнить подвиг всех советских людей, защитивших нашу страну. Мы отдаем должное подвигу ленинградцев, которые с честью выполнили свой долг перед родиной, грудью своей преградили путь врагу, спасли Ленинград.

Пусть ваши сердца наполняются гордостью и бесконечной благодарностью им за Великий Подвиг!

**Глава муниципального образования поселок Песочный,
Председатель Муниципального совета
ПАНАСЕНКО Н.П.**

**Депутаты: С.А.ТУЗОВСКИЙ, В.Ю.ВАСИЛЬЕВ, Е.А.ЧАПАЕВА, В.Г.ПРЕЙС, Л.С.МИХАЙЛЕНКО,
С.А.ТАРАСОВ, М.Д.ДЕНИСОВ, В.Г.КОСТЮЧОК, С.Ф.ХЛОПИЦКИЙ**

**Глава местной администрации
муниципального образования поселок Песочный
ВОШЕВ В.В.**

Уважаемые ветераны Великой Отечественной войны – фронтовики, блокадники, труженики тыла, узники концлагерей!

Работники библиотеки п. Песочный и педагогический коллектив школы № 437 искренне поздравляют вас с 65-летием Великой Победы!

9 Мая 1945 года – священная дата в истории нашей страны. 1418 долгих дней и ночей противостояла страна мощному натиску врага, защищая свою свободу и независимость, жизни своих граждан, отстаивая будущее своих детей. Это день безграничной радости и гордости за воинов-освободителей. Вечная память павшим и низкий поклон живым.

С праздником вас, дорогие ветераны, доброго вам здоровья, долгих лет жизни, внимания и искренней любви ваших близких!

Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем!

А.ТВАРДОВСКИЙ

... и до сих пор
обоймую воспоминаний
стреляет прошлое в упор.

Ю.КУЛИКОВ

В этой книге – воспоминания, стихи, письма с фронта. Это не просто рассказы о войне, а воспоминания очевидцев, живых свидетелей, которые «руками сжав обугленное сердце...» поведали нам историю своей жизни. Их воспоминания – это документ.

Не каждому из авторов этих воспоминаний приходилось писать в годы войны. Но память свято хранит то, что пережито, прожито, выстрадано.

Строчки ложатся на белый лист бумаги, и память тоже становится документом. Каждый из авторов этих воспоминаний видел войну, прошел через все трудности жизни в осажденном городе, знает бомбежки и артобстрелы, голод и промерзшие насквозь стены домов не понаслышке.

Каждое слово в этой книге – правда.

БРОНЗОВА Л.Ф.

Будем помнить

Сколько бы лет ни прошло,
Память хранится в сердцах
О подвигах юных бойцов,
О наших погибших отцах.

О тех, кто в окопах мерз,
О тех, кто трудился в тылу,
О тех, кто оружие ковал,
Кто раненым умер в плену.

О тех, кто растил урожай,
Кто колоски собирал,
Кто ватники воинам шил,
Кто рукавицы вязал.

Дружно трудился народ:
Тыл в годы войны был, как фронт.
В победу верили все,
Знали, что враг не пройдет.

Будем достойно мы жить,
Память героев храня:
Жизни отдали они
За Родину, за тебя!

Т. ТРУБНИКОВА. Май 2009 г.

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ

ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ФРОНТОВИКОВ

Из воспоминаний

АНТОНОВА

Владимира Николаевича,
1924 г.р.

Родился в г. Бабушкине Московской области (теперь р-н Москвы).

Войну встретил 22 июня 1941 г. в Севастополе, где учился в школе №3 и окончил 9 классов. Здесь, где преподавали военное дело, были группы защиты, группы медицинской помощи. По тревоге прибегали в школу, а немцы уже сбрасывали мины (многие на них подорвались). В моей семье в 1941 г. было 4 человека: мама, папа, я и брат. Из близких родственников во время войны погибли дядя и двоюродный брат.

Сразу нас направили в третий круг обороны. Мы копали противотанковые рвы и валили деревья диаметром 25-30 см. В 1942 г. меня призвали на службу (хотя мы и раньше просились на фронт, но нас отправили назад, т. к. не подходили по возрасту) и направили в училище имени Дзержинского. Во время учебы на практике я попал в плавучий зенитный батальон.

В 1943 г. Был направлен в Иран, где по тревоге вышли на позиции охранной линии. Перед нами поставили задачу: никого не пропускать. Только потом мы узнали, что участвовали в охране Тегеранской конференции.

На летнюю практику в 1944 г. я был направлен на Северный Флот,

где мы обслуживали двигатели внутреннего сгорания. В 1945 г. проходил практику на Черном море на подводной лодке.

Награды:

- 2 ордена «Отечественной войны II степени»,
- орден «Красной Звезды»,
- 21 медаль.

Наказ:

Быть терпеливыми и усидчивыми (особенно мальчикам). Нужно изучать военное дело, учиться и уметь защищать свою Родину, от-

стаивать ее интересы.

АНТОНОВА Виктория Антоновна, 1926 г.р. (супруга Владимира Николаевича) – ветеран ВОВ, житель блокадного Ленинграда

Всю войну в Ленинграде. В 1942-1944 г.г. работала на кондитерской фабрике в упаковочном цехе. В 1944 году поступила в техникум МВД – на фельдшера.

Имеет медали:

- «За оборону Ленинграда»,
- «За труд в годы ВОВ»
- и еще 10 юбилейных медалей.

**Из интервью с
АФАНАСЬЕВОЙ
Верой Владимировной,
1920 г.р.**

Родилась в г. Петрограде и постоянно жила уже в г. Ленинграде. По семейным обстоятельствам, обменяв квартиру, Вера Владимировна переехала в п. Песочный. Ее родители умерли рано, еще до начала войны, и они жили с братом одни, близких родственников не было.

Когда началась война, брат ушел в армию, связь между ними прервалась, и только после войны они встретились. Во время войны Вера Владимировна находилась в Волхове. Туда она была направлена в составе медико-санитарной роты. Каждый день они выполняли очень тяжелую, грязную, изнурительную работу: разыскивали раненых, ухаживали за ними, рыли окопы. Они завоевали звание ленинградцев своим трудом.

Очень часто не было и куска хлеба, не было теплой одежды. Было холодно – терпели! Было голодно – ту же затягивали ремни! И

говорили: « Будет трудно – выдержим! Выдержим – победим!» Вера Владимировна также работала химинструктором. Она вспоминает, что было очень страшно: взрывы снарядов, свист пуль, но они понимали, что от них зависит жизнь людей, и всей своей жизнью старались отстоять честь Ленинграда.

Награды:

- медаль «*Ветеран труда*», юбилейные медали;
- «*40 лет Победы в Великой Отечественной Войне*»,
- «*50 лет Победы в Великой Отечественной Войне*»,
- «*60 лет Победы в Великой Отечественной Войне*»,
- «*65 лет Победы в Великой Отечественной Войне*».

Наказ ныне живущим: стремитесь сделать все, что от вас зависит, чтобы не было войны, учитесь и делайте добро людям.

**Интервью брали
учащиеся 5 класса 437 школы,
классный руководитель
ХАМИНА Ирина Анатольевна**

**Из воспоминаний
БОГДАНОВА
Ивана Васильевича,
1923 г.р.**

Родился в Ленинградской области. Там меня и застала война. Очень скоро наша деревня была сожжена немцами, и жить приходилось в землянках. Обстановка была не из легких, а я не мог уйти на фронт, у меня мама сильно болела. Иногда казалось, что жизнь на исходе.

Мама умерла в 1942 году, и я пошел в соседнюю деревню за священником, это в 20 км. Наверное, эта встреча со священником была очень нужной. Он сказал мне: «Иди, парень, в партизаны, Родину свою защищать». Этот мудрый совет священника подтолкнул меня к быстрому принятию решения. Ведь я был комсомольским активистом в школе, и те, кто перешел на сторону немцев, меня, конечно же, выдали бы. Похоронив маму, я ушел в партизаны.

Воевал в седьмой партизанской бригаде, где был разведчиком.

Первоначально быт в партизанских отрядах был не налажен. Большие проблемы и с продовольствием, и с бытом. Очень нам помогало местное население, хотя эта помощь для них могла стоить жизни – эти места были заняты противником. Помню, как одна женщина гладила меня по голове и приговаривала: « Миленький, молодой ты совсем, мальчишка, и чего тебя

мама отпустила на смерть?» Я ответил той женщине, что мама моя умерла, а я должен отомстить за ее смерть.

Почти в каждой деревне был связной, который сообщал нам необходимые сведения. Жили мы в землянках.

Потом я тоже стал связным. Дали мне лошадь, седло. И я должен был доставлять секретные пакеты в любое время дня и ночи в назначенное место. Никогда не знал, что ждет меня впереди: то ли засада, то ли выстрел в спину. Но какая-то сила меня всегда спасала. Не забуду случай, когда мы приехали в одну деревню, где была мельница, на которой мельник молот хлеб для партизан. Там мы пробыли недолго и уехали. А вскоре узнали, что каратели сожгли дом мельника и всю его семью, и его убили.

Освобождали мы лагерь военнопленных. После освобождения бывшие военнопленные пополняли наш отряд.

Постепенно быт партизан стал налаживаться, жить стали в деревнях. В конце 1943 года меня назначили ординарцем – выполнял поручения начальника штаба и командира.

В городе Порхове (Псковская обл.) есть много немецких захоронений. А погибли немцы от взрыва в Доме культуры во время демонстрации фильма. В этом же здании располагался немецкий штаб. Киномеханику Колчину партизаны доставили взрывчатку. Он заминировал здание, и наша операция удалась. Семью Колчина спасли от расправы тоже партизаны. А деревню немцы сожгли дотла.

Особенно свирепствовали фашисты при отступлении. Карательные экспедиции никого не щадили – ни детей, ни женщин, ни стариков. И мы, партизаны, должны были или остановить противника, или эвакуировать местное население в безопасное место. Мы знали, что от наших действий зависела жизнь мирных людей.

В марте 1944 года партизанские отряды расформировали.

Дальше я воевал в Псковской области минометчиком, был ранен. Чудом спасся, наверное, хотел жить.

Но с таким ранением пришлось лечиться долгих 3 месяца в госпитале, который находился в Михай-

ловском замке г. Ленинграда.

Моя тетя навещала меня там. Она была очень истощена... 900 дней дались ленинградцам нелегко.

После госпиталя воевал на Карельском перешейке. Освобождали Нарву, Таллин.

Победу встретил в Прибалтике. Уверенность, что победа будет за нами, нас никогда не покидала, даже в самые трудные моменты.

В мирное время, с 1945 по 1947 г.г. работал писарем в штабе. Был комсоргом дивизиона.

Что помогло выжить в той войне?

– Вера! Надо воевать и не обращать внимания ни на что. Не надо думать о смерти. Я всегда говорил ребятам, чтобы они не писали домой о плохом. Не надо об этом. Война – это тоже работа. И выполнять свой солдатский долг надо добросовестно, честно и до конца. Не надо думать о наградах. Надо думать о людях, которые ждут твоей помощи.

С 1947 по 1949 г.г. работал на Западной Украине, землеустроителем. Это тоже война. И сравнить ее можно с Чеченской войной сегодня. Но я ничего не боялся, позади была хорошая школа – долгие годы фронтовой жизни!

Награды:

- медали «За отвагу»,
- «За Победу над фашистской Германией»,
- орден «Отечественной войны I степени»,
- все юбилейные медали.

9 апреля 2010 г.

**Из воспоминаний
БЫКОВОЙ
Леонарды Ивановны,
1920 г.р.**

Родилась в Витебской области, в Белоруссии.

Перед началом войны окончила 3 курса педагогического института в г. Могилеве (географический факультет). Летом успела приехать в п. Барань, где жила семья, и узнала здесь, что началась война. Завод, где работал отец, эвакуировали в Башкирию, мы поехали за ним. Немцы наступали очень быстро, еле-еле успели уехать. Видела, как взрывались эшелоны, гибли люди – было очень страшно. Всего в нашей семье было 10 человек: мама, папа и 8 детей (3 брата и 5 сестер). С войны вернулись все, многие из моих

близких были ранены. Старший брат был минером, младший – всю войну в партизанах. По дороге в Башкирию меня контузило, пришлось некоторое время лечиться. Затем я поступила на работу в школу старшей вожатой, заменяла заболевших учителей и одновременно поступила на курс медицинских сестер, проходила практику в больнице. В состав нашей группы входило 30 человек, все мы подали заявления на фронт. Пришла разрядка в ПВО, и 2 мая 1942 года все девушки добровольцами отправились на фронт.

Отправились в составе 1-го башкирского эшелона на фронт, а напутствовала нас Долорес Ибаррури. Ехали мы в Сталинград, который был уже в тылу врага. А когда мы прибыли к месту назначения, то сначала всех определили в учебную роту, дали звание ефрейтора (в этом звании я и закончила войну). Сначала в штабе 9 корпуса ПВО я работала телефонисткой, переболела малярией (как и многие).

Затем нас перебросили на Украину, далее через Карпаты в Румынию, потом в Венгрию. В Венгрии мы входили в очередную группу по взятию Будапешта, где уже шли бои. Стояли на окраине, получали донесения с постов и оповещали артиллерию и зенитную флотилию. Постоянно летели снаряды над головой, дежурили по

сменам. Я принимала донесения от радарной установки и вела цель тушью на планшете. Работа была очень ответственной, так как можно было подстрелить своего. 15.07.1945 года переехала в Берлин, вышла замуж.

В 1950 году я из Германии приехала в пос. Песочный, где проходил службу муж и жили дети.

Сначала работала воспитателем в д/с в Дибунах, а затем в регистратуре и научно-регистратурном отделе института онкологии.

Награды:

- орден «За боевые заслуги»,
- орден «Отечественной войны II степени»,
- медаль «За оборону Сталинграда»,
- медаль «За победу над Германией»,
- медаль «Ветеран труда»,
- знак «Фронтовик»,
- ряд юбилейных медалей.

Наказ ныне живущим:

Живите в мире, согласии, не убивайте друг друга.

**Интервью с
ВАСИЛЬЕВОЙ
Еленой Алексеевной,
1927 г.р.**

Елена Алексеевна, скажите, когда вы родились?

Родилась я в Черниговской области. Там работал мой отец после революции, там и жила наша семья. Потом его перевели в Новую Ладугу на строительство целлюлозного комбината.

Скажите, сколько вам было лет, когда началась война?

Когда началась война, мне было 15 лет.

Вы, наверное, все хорошо помните?

22 июня в 12 часов передали срочное сообщение. Говорил Молотов о том, что началась война, необъявленная. Сразу же началась мобилизация. Я к тому времени окончила 7-й класс и тоже пошла в военкомат, чтобы пойти на фронт добровольцем. Но меня, конечно же, не взяли, сказали, что надо учиться. Жили мы тогда уже в Сясьстрое Волховского района Ленинградской области.

Скажите, пожалуйста, какие были у вас мысли, ощущения, когда вы узнали о начале войны?

Первая мысль: как мы будем защищать Отечество! Призывники шли в военкомат и уходили на войну. Все мы думали только об одном – победить в войне.

Папу на войну не брали – он уже не подходил по возрасту. Он работал на комбинате, а я училась в 8 классе в школе. Помню, что все время летали самолеты. Было очень тревожно.

А что было дальше?

Наступил 1942 год. В январе-феврале в Селиваново (это село в 8 километрах от Сясьстроя) приехал госпиталь. Я пришла в этот госпиталь к начальнику и говорю:

– Возьмете или не возьмете меня, я все равно останусь здесь.

– Что вы будете делать?

– Все, что скажут. Я умею делать все! (Надо сказать, что в школе нас учили оказывать первую ме-

дицинскую помощь). Можете меня проверить.

– Наложите жгут.

Я показала, как надо накладывать жгут. Сказала, что обязательно после наложения жгута надо вложить под жгут бумагу с указанием числа, времени наложения жгута, потому что нельзя держать жгут более 4 часов.

Он меня похвалил.

– Ну что ж, – говорит, – возьмем тебя кухонным работником. Будешь мыть котлы. А я ему и говорю:

– Котлы мыть не буду, а буду ухаживать за ранеными.

Вот так я попала в госпиталь, и с этим госпиталем прошла всю войну. А когда фронт продвинулся, то госпиталь вошел в состав 55 армии под командованием генерала Чуйкова и стал называться эвакогоспиталем №3350.

Елена Алексеевна, а как проходили ваши будни во время войны? Где вы жили? Было ли свободное время и что вы делали в свободное время?

Госпиталь двигался вслед за фронтом. А жили где и как придется. Если останавливались где-нибудь в деревне, то расселялись по домам. А если в лесу, то в палатках. Иногда рыли землянки. Операции проходили тоже в палатке. Раненым оказывали первую необходимую помощь и отправляли в тыл на долечивание. Медсестрам и санитаркам приходилось делать самую тяжелую и грязную работу. Было

тяжело, но мы не думали об этом. Хотели, как можно больше помочь, чтобы скорее пришла долгожданная победа.

Свободного времени было совсем немного, и я старалась использовать его, чтобы поговорить с врачом, задать ему вопросы, чтобы научиться своей профессии. Мне очень хотелось освоить ее хорошо.

А где застала вас победа?

В Берлине. 55 армия участвовала в прорыве блокады Ленинграда. Такие тяжелые были бои. Ведь из всей армии в живых осталось всего несколько человек...

Под конец войны нас послали в Германию в город Хоммерштейн. Там был целлюлозно-бумажный завод, и мы помогали комплектовать и отправлять оборудование в СССР. Была я и в Берлине. Город представлял собой невеселое зрелище – разбитые дома, выбитые стекла, кругом разруха. Там и встретила победу.

А когда вы вернулись домой?

Домой я вернулась в конце мая 1945 года. Я вернулась в Сясьстрой, а отец и мама жили в Ленинграде. Позже переехала в Ленинград и я. Устроилась работать в областной больнице, закончила курсы лаборантов, потом переехала с мужем сюда в Песочную и много лет работала в НИИ Онкологии медицинской сестрой.

Елена Алексеевна, кто-нибудь из ваших родственников или дру-

зей были на войне? Как сложилась их судьба?

Моя старшая сестра всю войну отработала в тылу в Сясьстрое в подсобном хозяйстве. Из друзей уже никого нет... Попал снаряд в палатку во время операции.

Скажите, у вас, наверное, есть награды?

Есть. (Елена Алексеевна демонстрирует свои боевые награды: орден «Отечественной войны», знак «Фронтовик», именной знак «Жуков» и несколько медалей).

Елена Алексеевна, какой наказ вы, как ветеран войны, дадите молодому поколению?

Любить свою Родину. Защищать свою землю. Воспитывать в себе такие качества, как упорство, настойчивость. Всегда добиваться своей цели.

Елена Алексеевна, спасибо вам большое за ваш рассказ. Было интересно и поучительно.

*Интервью провел
ШАХВЕРДОВ Константин,
ученик 6 класса.
Февраль 2010 года*

Из воспоминаний

ВЛАСОВА

**Вадима Матвеевича,
1931 г.р.**

Маленькое воспоминание юного красноармейца – ветерана ПВО г. Ленинграда, сына полка.

Годы Великой Отечественной войны были самым большим испы-

танием в жизни каждого жителя нашей страны и особенно фронтовиков. Но о значении той войны, о фронтовом братстве бывшие воины задумались только спустя восемь лет. В буднях послевоенного восстановления страны зенитчики войск противовоздушной обороны г. Ленинграда создали первый Совет ветеранов. Это была инициатива снизу. Позднее, к двадцатилетию Победы, по всей нашей стране было создано много Советов ветеранов Великой Отечественной войны.

Наш Совет ветеранов – фронтовиков-зенитчиков войск ПВО Ленинграда – объединял шесть зенитных полков, защищавших небо Ленинграда от налетов фашистской авиации. Один из них, 194-й зенитный артполк, в начале войны защищал огневые позиции в районе поселков

Бугры, Парголово, Сертолово, Шувалово, Дибунь, Песочный.

В ночь с 22-го на 23-е июня 1941 г. зенитчики 15-й батареи полка обнаружили и сбили неприятельский бомбардировщик. Он летел курсом на Ленинград. Батарея занимала огневую позицию в районе станции Песочной. Немец сбросил бомбы в лес, будучи сбитым, приземлился, и экипаж был пленен. Орудийные расчеты сержанта С.А.Когубы и сержанта А.М.Шарова за мужественные и четкие действия были награждены медалями «За боевые заслуги». Так реально началась для 194-го ЗАП война, и это был первый фашистский самолет, сбитый зенитчиками ПВО Ленинграда.

В конце сентября 1941г., в результате передислокации зенитно-артиллерийских частей, 194-й зенитный артполк занял боевые позиции в центральной части г.Ленинграда.

В то далекое военное время многие мальчишки, выглядевшие старше своего возраста, выдавали себя за пятнадцатилетних, чтобы их взяли на фронт. В 1943 году мои «параметры» подходили под этот возраст, и я был призван в армию по заявлению, добровольно. Как правило, для таких новобранцев служба начиналась не на передовой, а в тылу воинской части. В 1943 году я был зачислен в 602-й зенитный артиллерийский полк, в отделение связи, где осваивал работу радиста. Полк входил в состав 7-й зенитной артиллерийской дивизии Резерва Главного

Командования. Огневые позиции зенитных батарей располагались под Пулковом. Войска Ленфронта находились в обороне. В январе 1944 г. дивизия участвовала в боях по освобождению г.Ленинграда от фашистской блокады, в боях на Нарвском плацдарме и в освобождении Эстонии. Меня в это время перевели в 194-й зенитный артиллерийский полк Армии ПВО г.Ленинграда. В этом полку я служил в отделениях связи, разведки, ремонта стрелкового оружия, в отделении клубной работы. В военное время культмассовая деятельность в войсках не останавливалась. Она поднимала настроение, боевой дух воинов. Работала самодеятельность, сочинялись куплеты на события дня. В них обыгрывались боевые успехи зенитчиков, выражались чувства воинов. Вот, например, такие стихи:

Четыре батареи,
все как родные братья,
Стоят на страже у высот.
Точным залпом расчеты
Сводят с немцем счеты,
58-й сбит самолет...

Мы сложили песню
про зенитку нашу.
В боевом расчете
дружба горяча.
Били «Юнкерсов» мы,
били «Мессершмитов»,
Били «Фокке-Вульф»,
били «Горбача».

Ах, зенитка-душа,
Пушечка-красавица,
Очень ты хороша,
А врагам не нравится!

...Ковылял по небу
тот «Костыль-Горбатый»,
Назывался «Хеншель»
он «сто двадцать шесть»,
Но Трофончуковцы,
бравые солдаты,
«Хеншеля» разбили на 126...

Трофончук Степан Иванович в 1943г. – командир зенитной батареи, выпускник зенитно-артиллерийского училища.

Немецкие самолеты в соответствии с очертаниями их силуэтов имели прозвища: «Рама» – это разведывательный самолет «Фокке-Вульф-189», «Двуногий» – это бомбардировщик «Юнкерс(Ю)-88», «Горбатый», или «Костыль», – это самолет-разведчик «Хеншель-126» (его очень трудно было сбить, как отогнать навязчивую муху).

Мои обязанности в этом отделении клубной работы – демонстрация кинофильмов для бойцов зенитных батарей в полевых, боевых условиях. Работали мы вдвоем на автокинопередвижке. Ездили на все батареи полка. Больше всего зрителей собиралось на киносеансы, когда мы приезжали в тыл нашего 194-го ЗАП, который с 1936 г. и до конца войны располагался в Выборгском районе, в Пустом переулке (теперь улица Шетелена). Это место расположение

тыла в полку называли «городок Лесное». Он занимал площадь, ограниченную улицами: Пустой переулочек, Яшумова, Сосновая (теперь это одна улица – улица Курчатова), Политехническая (это была дорога в Сосновку).

Тыловые службы полка обеспечивали и поддерживали боеготовность зенитных батарей. На этой территории располагались склады, казармы личного состава, госпиталь, ремонтные мастерские, узел связи и др. службы.

Часто задают вопрос: какая сила, какие чувства руководили подростками в блокадное, военное время идти в армию до срока призыва? И что думали родители этих ребят? Что могли думать родители, когда их дети должны были по воле судьбы самостоятельно жить, когда голод, холод, бомбежки, обстрелы артиллерийские, когда жизнь идет в городе-фронте? Думали, что надо жить, что надо бить врага.

Мой папа, Матвей Ильич Власов, всегда считал себя военным человеком. С первого дня войны ушел на фронт как артиллерист старой закалки (на тот момент было ему 47 лет). Он служил в артиллерии с 1914 года, еще в царской армии на Дальнем Востоке, после революции – в Красной Армии. В 1917 году во время февральской революции в г. Владивостоке солдаты назначили его депутатом в Первый Владивостокский Совет рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, а

в 1919-1922 г.г. он участвовал в партизанском движении на Дальнем Востоке.

Мы с братом с пеленок были воспитаны как защитники своей родины, как патриоты своей страны, земли, семьи. В нас было «посеяно» чувство долга, желание и стремление бить врага, идти на фронт. Конечно, наше желание расценивалось взрослыми как мальчишество. Но блокада, бомбежки, артобстрелы, голод, холод, гибель людей, соседей, друзей – это для всех было повзрослому.

Мама была на казарменном положении на фабрике. Я оставался дома один (брат был эвакуирован). Раз в неделю, в первое время блокады, мама приходила, приносила питание, оставалась ночевать. Однажды, когда мы с ней сидели за столом, по радио объявили воздушную тревогу. Полагалось спуститься в убежище. У нас пятый этаж, последний. Мы привыкли к тревогам, бомбежкам, артобстрелам – остались сидеть за столом. Помню, как стало страшновато, когда несколько бомб взорвались недалеко от нашего дома: стены содрогнулись, лампа-абжур над столом начала подпрыгивать и раскачиваться. Утром я увидел, что одна из вчерашних бомб попала в здание на Невском проспекте – ныне Малый зал филармонии. Бомба разрушила здание в том месте, где на фасаде находилась колоннада (или пилястры). Разрушение было сверху донизу,

образовался пролет шириной в десять-пятнадцать метров. В пролете на уцелевших стенах, внутри, были видны предметы убранства: настенные часы, висела на досках кровать. Бойцы местной противовоздушной обороны убирали тела погибших, вели раскопки обрушения, отыскивая уцелевших, раненых.

Мне, как многим мальчишкам, иногда выпадала доля участвовать в защите города и его жителей, когда мы боролись с зажигательными бомбами, сброшенными на наш дом (а жили мы тогда около Финансово-экономического института).

Были непростые заботы в то холодное блокадное время: добыть воду, добыть дрова и затащить их на пятый этаж, распилить, расколоть, затопить буржуйку, сделать кипятком.

А когда во время налета на город фашистской авиации «ухали» наши зенитки, нам, мальчишкам, тоже хотелось «стрельнуть» по фрицу. И моя мечта почти сбылась, но...

Я служил с лета 1943 года и до конца Великой Отечественной войны в зенитных артиллерийских частях, однако «стрельнуть» из пушки по самолету не пришлось: маловато было силенок (мне было 12 лет). Снаряд-патрон, который заряжался в пушку, весил больше шестнадцати килограммов. По этому поводу в 1943г. под Пулковом юмористами-артиллеристами 602-го ЗАП были написаны шуточные куплеты:

Я служу в зенитной батарее.
Дальномер у нас есть
и прибор,
Грозные орудия четыре,
И солдаты все как на подбор.

У меня зенитная есть пушка,
Только я к ней редко подхожу,
Не по сердцу эта мне игрушка,
Я с ума от выстрелов схожу.

И в кого такой вот я удался?
Если появился «Мессершмит»,
Только лишь я выстрелить
собрался,
Смотришь...
он товарищами сбит.

Я не знаю, у кого спросить бы,
Почему мне в жизни не везет.
Орденами друга наградили,
Мне ж никто медали не дает.

Те зенитные орудия, которые в 1941-1944 годах сбивали пикирующие бомбардировщики на подступах к Ленинграду и в его небе, в наше время можно увидеть, потрогать и поклониться им в знак благодарности. На третьем этаже Санкт-Петербургского Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи находятся две боевые зенитные пушки 7-й зенитной артиллерийской дивизии Пушкинской Краснознаменной Резерва Главного Командования. Одна пушка калибра 37мм, другая – 85мм. Звезды на их стволах свидетельствуют о количестве сбитых ими самолетов. Они являются единственными представителями всех армейских зенитно-артиллерийских соединений и частей. Посетите этот музей!

Награды:

- орден *Великой*
«Отечественной войны II
степени»,
- медаль *«За оборону*
Ленинграда»,
- медаль *«За Победу*
над Германией»,
- *юбилейные медали.*

Из воспоминаний
ДЕМЬЯНОВСКОЙ
(КАЛИНИНОЙ)

Воли Ивановны,
1925 г.р.

Войну встретила в Ораниенбауме. Это был закрытый город. Все друг друга в городе знали, помогали. Город сам по себе морской, где

было много летчиков и моряков. Город дворцов и парков! Город, где люди умели красиво и культурно отдыхать. Парк был любимым местом отдыха для жителей. Кипела красивая, мирная жизнь и вдруг она оборвалась!

Война

На второй день войны мне уже принесли повестку на оборонные работы – рыть противотанковые рвы (высота рвов в полтора мужского роста). Рыли противотанковые рвы, почва была суглинистая, сырая. Да сбор был такой скорый, что мы даже рукавиц не взяли из дома. Уже через несколько дней у меня на руках волдыри, кровь. В поликлинику не отпустили, а разрешили перевязать бинтом. Старшая увидела мои руки и отпустила меня домой. На следующий день велела

прийти в штаб и назначила меня учетчицей. Со всех пунктов приносили сведения, которые я должна была обработать и подвести итоги, сколько вырыто окопов, сколько человек работало и т.д. Но это время кончилось быстро. Оборонные работы закончились, и я была переведена в порт ученицей – машинисткой. Срок освоения печатной машинки – полтора месяца. За месяц освоила я азы курсов по машинописи и учетному делу и приступила к работе в порту. Контора наша находилась в Меньшиковском дворце Ораниенбаума. Там было много различных отделов и производственный, и химический. И технический и другие отделы. Так всю войну и я проработала в порту, где одновременно и обучалась.

Рабочий день начинался рано. После работы обходили дома и проверяли порядок или оказывали помощь нуждающимся. В месяц 10 дней были мы на казарменном положении, где нас кормили один раз – гороховый суп и гороховая каша. Вечером давали кусочек хлеба и чай. За эти дни мы отдавали карточки. Получала я уже служебную карточку. Зарплату в войну нам выдавали, но мы большую ее часть отдавали на нужды фронта: или на танковую колонну, или на самолет. Деньги отдавали добровольно. Знали, что победу надо приближать всем вместе. Да и не нужны были тогда деньги-то – купить было нечего.

Практически всегда жили в подвале дома, который поочередно должны были отапливать. Помню наступило наше дежурство. Дров не было. Мы с мамой взяли саночки и пошли в лес за дровами. Путь не ближний. Уже в лесу начался, прямо вблизи от нас, обстрел. Это дело немецких «кукушек». Куда бежать? Вокруг стрельба. Мы бросили чужие санки, топор, пилу и побежали домой. Мама переживала не за себя, а за свою больную сестру, которая находилась в подвале. Моя мама – Нина Александровна Калинина – героическая женщина. Сама голодная, чуть держится на ногах, а меняла свои 150 гр. хлеба на песок, лук. Мой отец очень болел, и врачи уже маме сказали, что его не спасти. Но вопреки утверждениям медиков папа выжил благодаря стараниям мамы.

В 1943 году мы, молодые, стали ходить на танцы в матросский клуб. Танцы согревали, как-то душу взбадривали. Приходили на танцы в полушубках, бушлатах, кто в чем мог. На это не обращали внимание.

Было очень тяжело, но жизнь продолжалась. Мы четко понимали, что от нас зависит победа.

Как-то на танцах я познакомилась с летчиком. Договорились, что в следующую субботу встретимся, но встреча не состоялась. Дружья моего знакомого летчика сказали, что его самолет был сбит и он погиб. Тяжело это было пережить.

Не забыть и другой случай. Я ходила по отделам и выдавала за-

работную плату. Иду в контору. Вдруг в меня летит снежок. За мной шли морячок и офицер. Через некоторое время морячок принес мне записку от офицера, в которой было написано, что игра в снежок это повод познакомиться. Но и это знакомство не состоялось, погиб.

Как-то пришла домой на обед, а мне записку папа передает. Почти дословно помню ее текст и сегодня:

«Воля! Миленькая, приди срочно. Я сейчас в госпитале. Володя!». Володя – это мой одноклассник. Вечером после работы я побежала в госпиталь. Нашла палату, где лежал Володя. Долго разговаривали. И все время Володя поправлял нервно копну своих пышных волос. Я не могла понять: чего это он так нервничает. Время уже позднее, пора уходить домой. Я говорю Володе: «Если хочешь, то проводи меня до двери». Володя отвернул одеяло, а одной ноги нет. Как я тогда бежала домой и плакала! Через два дня его эвакуировали в Ленинград. Я видела Володю после войны. Он ходил без палочки, даже незаметно было, что он с протезом. Когда встретились, то слезы брызнули из глаз. Радовались встрече, радовались, что остались живы!

Победа!

О победе узнала на улице. Шла на работу. Вижу, вылетает на улицу шофер нашего командира, хватает меня и бросает вверх с криками: «Ура! Победа!»

Награды:

- медаль «За оборону Ленинграда»,
- медаль «За доблестный труд»,
- орден «Отечественной войны II степени».

**Воспоминания
от 28 марта 2009 года**

**Из воспоминаний
ДЕРЯБИНОЙ (БЕЛОВОЙ)
Анастасии Андреевны,
1924 г.р**

Войну встретила в Волхове. Всю войну работала в военизированной охране. В моей трудовой книжке имеются такие записи:

1942 г., апрель – принята на работу в первый отряд охраны в каче-

стве вахтера;

1943 г., июль – переведена на должность бойца;

1946 г., апрель – уволена из рядов военизированной охраны.

С 1942 по 1946 годы моя работа заключалась в охране военных складов в Волхове, вагонов. Жили в общежитии. Там дневальные отправляли нас на посты. Взяв в руки винтовки, мы по четыре часа стояли в карауле. Уходить с поста нельзя, даже если начнется бомбежка. А в полутора километрах от нас – немцы.

Волхов в начале войны – это страшное дело. Стрельба и бомбежка, разбитые дома. Бомбить не прекращали ни на минуту. Работа трудная, но нам было легче, так как кормили нас неплохо, да и командир наш, товарищ Бойко, был очень заботливым и честным человеком, ничего не утаивал от сослуживцев.

Однажды я шла с поста. Только спустилась, как началась бомбежка. Куда бежать? Растерялась, не знаю, что и делать. Недалеко от меня шел военный. Он быстро сообразил, что делать и крикнул мне: «Ложись!»

Когда чуть поутихло, мы с ним побежали к болоту. Через мгновение – и вторым попаданием разнесло тот дом, где мы только что были. От дома ничего не осталось. Жизнь моя чудом была спасена.

Перед глазами еще один эпизод, который постоянно не дает мне покоя. В 1943 году, когда прорвали бло-

каду, поезд в Волхов привез людей из Ленинграда. Помню, как одна ленинградка, увидев еду, умерла. Это очень трудно вспоминать. Горько. И сегодня эта картина у меня перед глазами. Не приведи господи еще раз пережить такое!

В 1944 году стало легче. Молодость брала свое. Мы ходили в клуб на танцы. Одеться было не во что. Я сэкономила на еде. Так купила себе платье. Хотелось быть нарядной.

О Победе узнали по радио. Радовались, как сумасшедшие. Это на словах не передать

После войны я выучилась на медсестру, вышла замуж.

В Песочном с 1955 года. Работала медсестрой в Доме ребенка. Там были дети от 1,5 месяцев до 3 лет. 25 лет я проработала в одной группе. Да и теперь много работаю. Люблю труд. Наверное, именно труд и дает возможность выстоять и победить.

Пусть никогда на земле больше не будет войны!

**Из воспоминаний
ДУДИНА
Василия Дмитриевича,
1924 г.р**

Родился в Костромской области. Летом 1941 года в 16 лет был призван на рытье противотанковых рвов вдоль Волги под Ярославлем, затем зимой вместе с другими юношами стал развозить продовольствие и сено для армии, возили продовольствие из Салигаличского района в город Галич на железнодорожную

станцию, откуда продовольствие и отправляли по военным частям.

В 1942 году в сентябре призвали в армию, в Колинковичское военно-пехотное училище под Рыбинском, в г. Переборы, в котором должны были учиться полгода. В это время шли сильные бои под Сталинградом, поэтому я вместе с остальными учениками написал заявление, чтобы нас отправили под Сталинград. Начальство отдало нам приказ собираться, но через 2 дня пришел приказ о том, что нас оставляют доучиваться. Через 3 недели, так и не закончив обучение, училища, мы были отправлены на Юго-Западный фронт.

Сначала дислоцировались под Сталинградом, потом на Дону. За-

тем доехали до Старобельска, нас зачислили в запасной полк, а потом через 10-15 дней направили в Милерово на курсы младших лейтенантов. В середине августа закончили курсы, нам присвоили звания и направили в резерв Юго-Западного фронта. Вскоре из резерва были направлены в 9 Гвардейскую дивизию 220 полка. Вместе с полком прошли всю Украину до Днепра.

Боевым крещением для меня стало форсирование Северского Донца.

Вскоре немецкие полки стали отходить к Днепру. Начались бои местного значения. Немцы ночью отходили, бросали свои позиции, наши полки шли следом, а утром немцы останавливались, встречали русские полки и завязывался бой. Это продолжалось почти 2 месяца. Один за одним проходили мы города: Ворошиловград, Синельниково, Павлоград. После себя немцы оставляли мертвую землю, сжигая и уничтожая все, но население приспособлялось жить в землянках.

К моменту подхода к Днепру в русских полках и частях оставалось совсем мало народа. Много раненых, во взводах осталось по 7-8 человек, полки были остановлены и объявлены недееспособными. На смену пришла новая дивизия свежей форсировки. Новая дивизия форсировала Днепр шириной 1 км. Форсировали днем, поэтому за очень короткое время от дивизии ничего не осталось, погибли многие. Кто-то то-

нул, кто-то перебирался на другой берег на лодках и паромов.

Вечером прибыла новая часть – 1200 человек, весь состав батальона был офицерский. Ночью форсировали реку. Через некоторое время закрепились на другом берегу, к ним переправили воинские части, вечером следующего дня они вернулись в село. Вернулось только 100 человек, остальные погибли. Им вручили ордена и отправили в резерв.

В полк, в котором я служил, дали пополнение, стали форсировать реку днем. Вскоре опять завязались упорные бои с немцами на левой стороне Днепра. Я прошел с солдатами 50 км и под селом Соляным был ранен. После этого пролежал в госпиталях 3 месяца, затем был выписан как непригодный к военной службе и отправлен по месту жительства, в Салигаличский район.

По просьбе военкомата 3 месяца обучал призывников, а затем был отправлен в школу в качестве военрука, где проработал с 1944 по 1950 год. Окончил педагогическое училище, после окончания переехал в Ленинград, поступил в областной учительский институт, окончил его в 1952 году и получил направление на работу в 467-ю семилетнюю школу пос. Дибунь. Там проработал до 1957 года, после чего школы 466 и 467 объединились, и образовалась 466 школа, в которую я перешел работать учителем физики, затем стал завучем, а с 1964 по 1979 год работал директором.

**Из воспоминаний
ЕСЬКОВОЙ
Надежды Арсентьевны,
1924 г.р.**

О войне больно говорить, больно вспоминать. Что-то хочется забыть. Но ... не могу.

Родилась я в Калининской области, в деревне Леднево. Было у родителей 5 детей. Трое умерли маленькими, а мы с сестрой младшей остались. Поднимать такую семью было нелегко, поэтому папа умер рано. Но нас не бросил отцов брат, который стал жить с нами.

Он стал нам отцом, а так и продолжали его называть дядюшкой.

В 7 лет я пошла в школу. В 14 закончила.

Нужно было устраиваться, и тетушка отвезла меня в Ленинград. Это было в 1939 году.

Устроилась я в Левашово домработницей. Водила девочек хозяйских в садик. Это и изменило мою жизнь. Там мне предложили рабо-

тать нянечкой в саду, я согласилась.

А вскоре началась война, которая, думали, закончится скоро. Но она затянулась надолго.

Нужно было спасти наше будущее – детей. Работников в левашовском садике № 13 было мало, им приходилось и дрова заготавливать, и печи топить, и детей кормить.

А складов с продуктами рядом не было, поэтому за продуктами приходилось ходить в Ленинград к 5-ти углам. Электрички в то время не ходили, поэтому путь пешком туда по шпалам и обратно. Забрав продукты, сначала добирались до Финляндского вокзала, чтобы там переночевать, а рано утром отправлялись снова в Левашово. Но что значит переночевать на вокзале с продуктами? Нужно было стоять рюкзаком к стене, чтобы не разрезали ножом рюкзак, где обязательно была железная миска, которая не раз спасала продукты от ножа. Очень запомнился этот путь. Люди падали и умирали прямо на шпалах, не доходя, кто до дома, кто до Ленинграда.

Всю жизнь преследует меня эта дорога. Покойники слева и справа. Страшно. На всю жизнь эти взоры (стеклянные глаза).

Был случай, когда вырвали деньги, когда шли за продуктами. И мне пришлось с подругой, наверное, полгода отрабатывать, чтобы вернуть долг, пиля двуручкой деревья в зимнем лесу.

Затем садик закрыли, и я стала

работать в госпитале в Осиновой Роще, ухаживала за ранеными, мыла полы, чистили картошку для кухни. А жили в Левашово. Вот и проделывали этот путь каждый день.

Потом мы подали заявление в Парголовский райвоенкомат с просьбой призвать нас в армию. Так оказалась я в 10 дивизии 204 полка 23 армии. Прослужила я 3 года.

Молодые парни, уходя в разведку, подходили, просили поцеловать их. Я понимала, что во мне они видели – кто любимую, кто – сестру, кто – маму. А кто просто просил отправить письмо родным, если не вернется. А как часто они не возвращались.

Но прошла война, и моей семье повезло. Вернулись с фронта я, мой муж, дядюшка.

Из деревни приехала мама по моему вызову. Стали мы жить большой семьей.

**Из воспоминаний
МАКАРОВОЙ
Любови Ивановны,
1924 г.р.**

Родилась в Иркутской области (Черемховский район).

В 1941 году окончила 9 классов и находилась на каникулах в Иркутске. Гуляя по городу, услышала из репродуктора, что началась война. Вернувшись домой, рассказала о случившемся соседу-профессору, который огорчил меня еще больше, сказав, что война продлится три года. Когда пришла учиться в 10 класс, занятия отменили и всех послали работать в колхоз.

До войны моя семья состояла из четырех человек: мама – продавец, бабушка и младшая сестра. Всю войну мы жили в Иркутске, мама работала по своей специальности, сестра училась. К сожалению, о судьбе соседней мне ничего не известно. Мой отец умер до войны, других близких родственников у нас не было. В военную часть по-

пала, когда только исполнилось 18 лет, записалась добровольно, ни с кем не советовалась. Мама об этом узнала последней, но препятствовать не стала. Моя военная служба проходила в дорожно-строительном батальоне. Мы ремонтировали дороги по направлению к Манчжурии, на Дальнем Востоке. Работа была очень тяжелой, так как не было транспорта, и все оборудование, мусор, землю перевозили на лошадях. Там же я и закончила войну.

После войны поехала учиться в школу рабочей молодежи и на курсы бухгалтеров; так как почерк был хороший, взяли работать секретарем. Проработав недолго, вышла замуж и уехала в Хабаровск, так как муж был военным, потом мы переезжали с места на место. В поселке Песочный проживаю с 1957 года, сюда приехала, имея двоих детей. В 1962 году поступила на работу в поликлинику поселка Песочный, в регистратуру, где и служила 47 лет.

**Из воспоминаний
МЕЛЬНИКОВОЙ
Иды Александровны,
1925 г.р.**

Начало войны встретила в г. Калинин (Твери). Буквально через несколько дней война дала о себе знать. Со стороны Москвы была слышна бомбежка, которая скоро дошла и до нас.

У мамы было семь детей, папа сразу же ушел на фронт. Нас, подростков, наряжали разгружать баржи, копать окопы и противотанковые рвы. Город готовился к обороне. Вражеское кольцо сжималось у нашего города. Работали с утра до вечера.

Потом нам предложили эвакуироваться. Мама вытаскала швейную машинку, не могла с ней расстаться, трудно досталась. Вдруг раздался гул – мы увидели немецкие самолеты. Их было так много, что казалось, закрывали все небо. Было очень страшно. Мама сказала, что лучше бы нас убило всех, чем такие мучения. Но на этот раз самолеты пролетели мимо нас.

Запасов еды у нас не было, и голод мы очень скоро ощутили на себе. Я пошла в военкомат, чтобы меня взяли в армию, но меня отправили домой, сказав, что еще маленькая.

Пришлось устраиваться работать на завод. Работала и сандружинницей. Это был ад.

Помню, к нам привезли 10 раненых девчонок. Худенькие, глаза впалые, и все они курили. Почему? Потому что они видели на передовой много убитых, раненых, и справиться с таким количеством горя молодой организм не мог. Вот они и начинали курить.

Однажды пришел военный и предложил мне идти добровольцем на фронт. Я сразу же согласилась, а сестре сказала: «Пойдем на фронт, может быть, хоть там наедемся вдоволь».

Была создана комиссия, которую я успешно прошла. Сразу нам выдали красноармейские книжки. Но одно мне не давало покоя – как об этом сказать маме. Пришла домой,

такая тихая, молчаливая. Мама спросила: «Где ты так долго пропадала?» Я молчала. Сели обедать. Что оставалось мне делать? Ничего. Надо говорить правду.

– Мама, я иду на фронт.

– Никуда ты не пойдешь, мала еще.

– Мама, я уже красноармейскую книжку получила.

Мама заплакала, но что-то изменить я уже не могла. На следующий день я ушла на фронт. На улице был дождь, мама плакала, я еле сдерживала слезы. Бабушка сказала, что если идет дождик, то все будет хорошо. Был 1943 год.

Дорогами войны – от Калинина до Калининграда

От Калинина ехали километров 200, потом нас направили в роту, где нас обучали военному делу. Я выступила на связиста. Через наш коммутатор шла связь на 120 номеров. Ездили мы повсюду. Ведь связь нужна везде, передовая это или нет. Часто приходилось катушку нести на себе. Рота у нас была маленькая. Приходилось все неполадки устранять самим. В любую погоду мы должны выполнять свое задание. Иногда ноги примерзали к сапогам, но я ни разу не заболела. Нам выдали военную форму – мужские гимнастерки и сапоги 41 размера. Это нам, девчонкам, у которых размер обуви был 33. Прохожие смотрели на нас и смеялись.

Как-то проезжала машина, остановилась около нас. Из машины вышел офицер, позвал майора и отдал приказ, чтобы срочно одели девчонок как положено. Не знаю, где взяли форму, но она была нужного размера, аккуратная.

В 1943 году в нашу роту приезжал Малиновский, вручал нам значки «Отличный связист».

Под обстрелы попадала не раз. Порой думала, что не вернусь домой. Запомнился такой эпизод.

Рига. Наш коммутатор находился в маленьком домике. Была моя смена. И вдруг бомбежка. Я не могу покинуть свое рабочее место – ведь связь должна быть постоянной. Кругом разрываются бомбы. Вой. И вдруг затишье. Оказалось, что соседнюю половину дома снесло совсем, а моя половина уцелела. Выскочила я, а мимо идет военный. Спрашивает:

– Ты откуда, такая чумазая вся?

– Оттуда, – показала я на полувину уцелевшего дома.

– Ты чего там сидела-то? Не видела что ли, что все рушится.

Много было моментов, когда жизнь и смерть были рядом.

Дорогами войны прошла от Калинина до Калининграда.

Письма из дома придавали силы. Бабушка писала, чтобы ни случилось со мной – всегда ждет меня дома.

Победу встретила в Калининграде.

**Из воспоминаний
ОРЛОВОЙ
Анастасии Демидовны,
1922 г.р.**

Родилась в Калининской области. Начало войны встретила в городе Калинин, где училась на курсах пионервожатых. Нас мобилизовали на донорство. Раненых уже было много.

В 1942 году лучших комсомольцев собрали и сказали: «Вы, лучшие комсомольцы, призваны Родину защищать!» Мы гордились этим, что нам оказано такое доверие.

Нас направили в дивизион, пулеметную батарею. Я попала в первую батарею, где было 8 орудий. У нас был прибор – ПУЗАО (прибор управления зенитно-артиллерийским огнем). Синхронно передавали данные. Прошла Калинин, Прибал-

тику, Польшу.

Не забуду дивизион № 224. Жили в землянках, которые строили сами. Рабочий день был распisan по минутно: изучение техники, приборов, охрана складов с оружием. И так три года. Были и опасные моменты. У немцев была хорошая разведка.

Латвия. Приехали, окопались. Кругом открытая местность и мы как на ладони. Три дня немцы нас бомбили. Бомбили день и ночь. Страшно было. Но какая-то небесная сила нас спасла.

Кормили хорошо. В 1943 году организовали художественную самодеятельность. Это очень поддерживало боевой дух. Очень любили песни, особенно любили петь «В землянке».

Самый радостный день – это день Победы, о котором мы узнали ночью, когда объявили о построении. Как мы радовались! Как мы кричали «Ура»!

Победу встретила в Польше. В августе 1945 года демобилизовалась.

Имею награды:

- орден «Отечественной войны»,
- знак «Фронтовик»,
- знак «Отличник противовоздушной обороны»,
- много юбилейных медалей.

**Из воспоминаний
ТАЛЬЕР (КУЗЬМИНОЙ)
Тамары Аркадьевны,
1926 г.р.**

Родилась в Ленинграде. До войны жила на улице Каляева, д.3. Училась в школе №188 Дзержинского района.

Война началась неожиданно. Я была на даче в Стрельне. Была страшная жара, воздух был какой-то дымный. В городе сразу же началась паника, все куда-то бежали, спешили, плакали. В магазинах выстроились очереди. Помню, батоны несли как дрова на руках. Я еще очень удивилась, что зачем так много.

Я окончила 7-й класс. 28 июля 1941 года нас принудительно зва-

куировали со школой на станцию Лычково. Поселили в окрестных деревнях по частным домам.

Мама дала нам с собой новое белье, серебряные ложки. Все, что можно было бы продать в случае необходимости.

Прожили в Лычкове недели две, и началось немецкое наступление. Наша армия отступала. Оставаться здесь мы боялись. Боялись попасть в плен. Я, моя сестра и подруга бросились за нашими солдатами, в одних сарафанах, в сандалиях, так как собираться было уже некогда – немец был совсем рядом.

Прибежав на станцию Лычково, мы увидели страшную картину – на станции было много школьников и детсадовцев из Ленинграда. Все ждали отправки в безопасное место. Детский плач, кровь кругом и немецкие самолеты, стреляющие по детям с бреющего полета.

Остановилась теплушка с солдатами, ехавшими в Ленинград. Мы упростили военных, чтобы они нас взяли с собой. То ли они нас пожалели, то ли увидели, что здесь происходит, но они нас взяли. У Любани попали под страшный обстрел. Пришлось бежать в лес и там прятаться, пока не закончится эта атака. Так повторялось несколько раз. Пришлось ждать другой поезд. Особенно страшно было в Бологом. Бомбили так, что мы чудом остались живы. И здесь, в таком аде, нам,

детям, помогали солдаты. Доехали до Ленинграда только на десятый день. Грязные, голодные, испуганные предстали мы перед мамой. Приехали в город, где скоро начнется блокада.

Жили не дома, а в кинотеатре «Баррикада» (на Невском проспекте), так как мама работала и была на казарменном положении. Оставляя нас одних, когда постоянно воздушная тревога, она боялась. Поначалу там, в бомбоубежище, нам, детям, было все интересно, любопытно. Тревога, бомбежка, и мы бежали на крышу сбрасывать зажигательные бомбы. Потом есть стало нечего. За хлебом занимали очередь ночью. На Невском, напротив булочной, стоял замерзший троллейбус, мы с сестрой брали дома ватные одеяла и шли в три часа ночи занимать места в троллейбuse.

Выход из «Баррикады» был закрыт, и мы выходили через соседний чердак на улицу, прыгая из окна на трупы, которые выносили на лестницу, так как хоронить было некому. Ждать своей очереди, когда получишь свои 125 граммов хлеба, приходилось целый день. И так каждый день. Воды в городе не было. Света не было. Сидели с коптилками. Отопления не было. Топили «буржуйки». Дров не было. Мы жгли стулья из зрительного зала. Зима 1942 года была лютая. Спать ложились в пальто, укрывались всем, чем только мож-

но. Я сильно простудилась и заболела, температура до 40 градусов. Врачей не было. Так я получила осложнение – парез лицевого нерва.

В конце 1943 года маму командировали в г. Тихвин. И мы, чуть живые, опухшие, поехали туда с мамой. А там было не лучше. Вместо хлеба давали 400 гр. зерна. Приходилось просить местных жителей молотье зерно на жерновах. Обменяли мамину шубу на мешок картошки. Не забуду этот праздник, когда мы ели эту картошку! Варили в мундире, ели с очистками, т.к. боялись, что много выкинем. А чувство голода не проходило. Все мысли были о еде.

Мы с сестрой постоянно видели такую картину: на окне сидит кот, такой жирный, откормленный и решили его съесть. Подстерегли его, посадили в мешок и понесли в разбитый дом для расправы. Взяли кирпич, стали ударять по мешку с котом, а сил-то нет. Кот вырвался, (мешок был не завязан) и убежал. На следующий день он по-прежнему сидел на окне и облизывался, а мы, голодные, глотали слюнки.

Мама с утра до вечера работала, а нам делать было нечего. И мы решили с сестрой вернуться в город. Въезд в Ленинград был закрыт. Написали отцу, чтобы выслал нам вызов. Получили вызов и приехали в город. Пошли в свою квартиру, на Каляева, но она была за-

нята. Домуправ сказал, что нас нет в домово́й книге. Почему? Мама носила фамилию Артемьева, а мы – Кузьмины. До войны детей в домовую книгу не вносили. Так мы и остались на улице. У отца была другая семья. Пошли устраиваться на завод «Краситель», чтобы получить общежитие. Так мы начали жизнь «с нуля». Работала я агентом по снабжению. Ездилa в организации, оформляла разные документы.

И вот настал день 8 мая 1945 года. В три часа ночи голос Левитана объявил, что Германия капитулировала. Все мы побежали на улицу. Там уже толпа, все обнимаются, целуются!

После войны я окончила курсы кройки и шитья, вышла замуж. Преподавала женам слушателей академии в Песочной. Для этого выделили нам домик в 6-м квартале, где работали разные кружки. Потом выстроили магазин №40 (военторг), а рядом построили красный уголок, и мы стали заниматься там. Так я преподавала до 1977 года. За результативную работу приказом №51 от 1976 года была занесена на районную Доску почета. С 1977 по 1981 годы работала на производстве, а с 1981 вернулась в наш Дом Культуры, где снова вела кружки. С 2007 года и по настоящее время работаю кассиром в Доме Культуры поселка Песочный.

Февраль 2009

Из воспоминаний ШТАНЬКО Василия Даниловича, 1915 г.р.

Войну встретил на Украине в качестве лейтенанта. (Моя военная служба началась в 1935 году). Уже на второй день наша часть вступила в бой. С боями отходили до Сталинграда. Я – участник Сталинградской битвы. Было под Сталинградом тяжело. Самолеты тучами ходили друг за другом. Горело все, не было видно никакого просвета. К городу подошли войска противника и наши. Начались бои непосредственно в самом городе. Я бывал в разных ситуациях: и в танке горел, но выжил. Немцы при бомбежке применяли рельсы. Рельсы

при падении так гудели, что не выдерживали барабанные перепонки. Я попал под эту бомбежку, потерял зрение. 4,5 месяца пролежал в госпитале. Врачи надежды на возвращение зрения не давали, а я очень из-за это переживал. Хотел быстрее встать в строй, чтобы снова мстить врагу. И мое желание встать в строй сбылось – вернулось зрение. И я вновь в строю. Вернулся в свою часть. Мне присвоили звание майора.

После освобождения нашей территории мы освобождали Европу. С боями дошли до Будапешта. Очень дружелюбно встречали нас в Будапеште.

Война не бывает легкой. Думать о том, где ночевать, что есть, что болит – не приходилось. Спать часто приходилось и под открытым небом, под дождем, когда вся одежда насквозь промокала. Не спать по 3-4 дня также приходилось. Всякое бывало, но вера в победу всегда оставалась. Верили мы в победу. И победа пришла. Как мы радовались! Как малые дети кричали, плакали, стреляли, обнимались. Это не передать словами. Демобилизовался из армии в 1946 году.

Награды:

- орден «Отечественной войны»,
- орден «Ленина»,
- медали: «За оборону Сталинграда»,
- «За взятие Вены»,
- «За взятие Будапешта»,
- «За боевые заслуги».

ПИСЬМА С ФРОНТА

Из писем
ЖИЛЬЦОВА
Виктора
Александровича:

«25.12.1942 г.

...Отец, твой наказ выполняю по совести. Я очень счастлив, что мне доверено Родину защищать. Я мщу за пролитую тобой кровь и слезы матери и сестер, а также за все страдания нашего народа и нашей Родины. Можешь не беспокоиться, пока я буду жив, буду держать в руках оружие. Мы выстояли перед натиском врага, и теперь ты слышишь в сводках Информбюро об ударах нашей Красной армии, которые с

Выше черты не писать.

25.08.43 года. Здравствуйте душой с родителями
папа, мама, сестренка Катюша и твоей
Груня, с привеем и большой любовью
пожелания в военной службе. Виктор.
Соборно, что находишь по врагу и сегодня
попыткам ей вас. В письме, о чем раз
восстановлению промышленности, а также там
это все живы и здоровы и живете
вместе попрежнему. Мама бы мне не
беспокоилась, я живу заочно, работаю
на хорошей должности, много обязанностей и
уверенности со стороны командования и
подчиненных. Надеюсь на фронт, к чему
уже давно привык, а после Сталинграда
где пришлось достигнуть предельно, все
находясь привык к обиде и в порядке
вещей. Надеюсь, что как только закончим
работу с друзьями и друзей обязана
сильно, так сразу же буду в городе
Реннере и вновь увижу вас.
Бога благодарю. Виктор

Ниже ч ты не писать.

каждым днем будут усиливаться.

До свидания, твой сын Виктор».

«4.1.1943 г.

Здравствуйте дорогие родители:
отец, мать и сестра Катя.

Поздравляю вас с Новым 1943
годом. Желаю счастья и успехов в
вашей жизни. Можете меня поздра-
вить с присвоением звания старшего
лейтенанта артиллерии. Я живу по-
старому. Бью «фрицев» как могу.
Пока живой и здоровый.

Как вы живете? Что нового в на-
шем Ленинграде? Как он живет?

Очень бы хотел побывать в нашем
городе. Беспокоят ли вас там
«фрицы»?

Привет от моих друзей, бойцов,
командиров.

Старший лейтенант – Виктор
Жильцов.»

**Из письма сослуживца
Виктора ЖИЛЬЦОВА
родителям:**

«26.1.1944 г.

С передовой линии фронта не-
известный к вам человек спешит

сообщить, что ваш сын, Виктор
Жильцов, погиб за освобождение
Белоруссии геройской смертью. Имя
мое – Вихров Василий Степанович,
из г.Калинина. Мы находились с Вик-
тором вместе во время этого боя, в
трех метрах друг от друга. И вот пря-
мым попаданием снаряда его рани-
ло, и он скончался...

Я сейчас вернулся из боя, на-
шел фото и посылаю вам, как иног-
да мы с Витей вели разговор, чтобы
сообщить родным в случае, кто пер-
вым погибнет из нас. И вот он погиб
прямо на моих глазах...

Прошу не волноваться. Враг
пришел к нам, разорил все села и
города, отнял у нас много хороших
молодых людей.

Что ж, это война, она требует
жертв, чтобы иметь победу...».

Из письма командира:

«8.2.1944 г.

Многоуважаемый Александр Де-
ментьевич. Ваш сын, Жильцов Вик-
тор Александрович, служил в моем
подразделении на должности коман-
дира батареи. Он был лучшим офи-
цером, мужественным и смелым,
верным сыном нашей Родины-мате-
ри. Его батарея беспощадно громи-
ла ненавистных немецких извергов,
много фашистов уничтожил он, при-
ближая час окончательной победы.

16 декабря 1943 года при наступ-
лении ваш сын пал смертью храб-
рых. Он был убит осколком снаря-
да. С воинскими почестями похоро-
нили его в отдельной могиле...»

СССР—НКО

Освобождение Белоруссии
Город Калинина 16.12.43.
№ 19043-181243.

ИЗВЕЩЕНИЕ

ДЗЕРЖИНСКИЙ
РАЙОННЫЙ
ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
г. Ленинграда

Ваш сын Сын Лейтенант
(муж, сын, брат, военное звание)

Жильцов Виктор Александрович
(фамилия, имя и отчество)

уроженец г. Ленинграда
(область, район, деревня и село)

13. Декабря 1943 г.
№ 7201

в бою за Социалистическую родину, верный военной присяге,
проявив героизм и мужество был Убит 16 декабря 1943 г.

Исключительно Герой Советского Союза
(убит, ранен и умер от ран)

похоронен Сел. Зай 100 м от Рейки на холме Зарядковом
(место похорон)

Район Александровский

Настоящее извещение является документом для возбуждения
ходатайства о пенсия (приказ НКО СССР № 220).

Райвоенком

М. П.

Начальник 3 части

1-й отд. Военнодогод НКО СССР им. К. Ворошилова. № 2257

**Из писем
ШТЕРИНА**

**Ильи Семеновича,
отца ЦАРЬКОВОЙ
Татьяны Ильиничны**

«Здравствуйте, дорогая Лиля!

Получил Ваше письмо от
27.07.43 г.

Немного о себе. Нахожусь на том же месте. Немного двигаемся. Вообще приходится быть фаталистом. Остаться живым – случайность, как и случайность умереть. Вот так и живем между жизнью и смертью.

Недавно только прошел одно место – упал большой снаряд, сделавший колоссальную воронку. Вероятно, от меня не собрали бы и кусков.

Помню, когда весной я шел на передовую, было на душе как – то грустно. И было как-то все равно – к смерти – вернее, к близкой и возможной смерти мысленно привык – на душе было очень грустно...

Вообще мысли осенние... Этому причина и сидение под землей, и вся обстановка. Но надеюсь на счастливое будущее, этому успех нашей Красной Армии. И наша готовность в любой момент пойти в бой. Целую. Ваш Илья.

19 августа 1943 г.

Здравствуйте, дорогая Лиля!

Последнее время (т.е. с 20.08), вернее, с момента получения письма от Валика о том, что он потерял карточку. Из его письма можно было понять, что ему грозит голодная смерть.

Как только я узнал, что им потеряна карточка, я перевел ему 80 руб-

лей, все, что у меня было, и из политической части было написано письмо об оказании помощи как сыну фронтовика...

В одном из писем Валик мне писал; теперь я понял, что такое жизнь!

В устах 14-летнего мальчика, знавшего голодовку Ленинграда, эта фраза сказанная, только теперь звучит трагично!

Верно у вас, как сейчас и у нас, большой подъем в связи с успехами нашей Красной Армии. Каждый день приносит приятные вести! Хочется все сделать возможное, чтобы избавить вас всех от этого кровавого кошмара, который нам принесли фашистские захватчики!

Вот пока и все. Целую вас крепко, крепко, привет с фронта. Илья.

4.09.43 г.

Дорогая Лиля!

Сегодня пишу сразу 3 письма...

Много о себе не напишешь. Собственно, о чем писать – о близкой смерти надоело думать, хотя помнить об этом приходится, и события каждого дня напоминают об этом. Ведь нет дня, чтобы кто-нибудь не выбыл – ранен или убит. Часто мечтаем о конце войны. Это самые сладкие моменты. Прогнать врага и вернуться живым домой к своим близким. Но тогда хочется считать секунды, а жизнь идет месяцами и годами. Посылаю вам вырезку из «Боевого листка». Святая правда, хороший эскиз! И очень правдоподобный. Человек прижимается к земле плотней, чтобы не задел осколок! Целую вас. Ваш Илья.

4 мая 1944 года

Дорогая Лиля!

Получил Ваше письмо как раз перед боем. Ответить сразу не мог. Сейчас небольшая передышка, выбрал время написать. Этот раз было тяжело. Моего командира (капитана) пулеметная очередь срезала рядом со мной. Мы нарвались на пулеметную точку. Пока вот жив...

Теперь снова в бой. Если со мной что-то случится, наводите справки по этому адресу: п/п 75681-Г.

Ваши заботы о ребятах придадут мне силы. Можно много писать, но нервы после пулеметных очередей и минометного огня как – то не дают сосредоточиться с мыслями.

Ведь я пишу после боя и, как видите на «трофейной» бумаге, трофейной ручкой, посылаю в трофейном конверте. Целую вас. Ваш Илья.

3.03.1944 г.

Добрый день т.Каменская.

К сожалению, на ваш запрос я приношу Вам неприятное известие. Сержант Штерин И.С., всеми нами уважаемый, как замечательный человек и храбрый товарищ, в бою под Сиркалла был убит пулей снайпера в грудь 24.7.44 г. в первый день боя за город Нарву.

Дочь Таня действительно круглая сирота. Постарайтесь ей заменить маму и папу.

За справкой обратиться в Дзержинский РВК г. Ленинграда. Штерин представлен к награде – ордену «Отечественной войны» 2 степени, который вы можете выхлопотать на память.

С приветом. (подпись)

1944 г.»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Родителям от детей-блокадников

Сорок пятый! Праздничный салют
Слезам счастья нет совсем предела.
Наши пушки в наше небо бьют,
Вот ракета рядышком взлетела.

Мы кричим, что Гитлеру капут,
Что врага в их логове достали,
И что этот праздничный салют
Все мы, россияне, заслужили.

Зарево салюта над Невой,
Гаснет, постепенно угасает...
Сколько не придет отцов домой
Даже Бог и тот того не знает.

Мамы-вдовы... Вам по 30 лет,
За плечами страшная блокада.
Вы спасли нас от военных бед
Памятник поставить вам бы надо.

Не пристало русским горевать:
Горе мы всем миром одолеем
За себя сумеем постоять,
В мирной жизни тоже жить сумеем.

Май, 2008 год.

*Воспитанник детсада «Очаг»
1942-1945 г.г.*

*УХИН В.С., 1937 г.р.,
пос. Песочный*

Рисунок РОМИЦЫНОЙ Марии, 5-й класс

**Из воспоминаний
АНДРЕИЧЕВОЙ
(АЛЕКСАНДРОВОЙ)
Нины Ивановны,
1926 г.р.**

Войну встретила в Ленинградской области. Семья у нас была большая – родители и пятеро детей. Папа работал на аэродроме в Котлах.

22 июня я с друзьями поехала в Котлы на велосипеде, это в 7 км от нашей деревни. Только мы въехали в Котлы, как увидели моего папу, который бежал нам навстречу и что-то кричал. Когда расстояние между нами стало совсем небольшое, то мы четко услышали, что он кричал: «Война!» Папа взял велосипед, а мы побежали домой.

23 июня аэродром уже бомбили.

Папе дали «бронь», а нас должны были эвакуировать от папиного производства на Урал.

До Ленинграда надо было добираться самостоятельно. Папа и мой старший брат проводили нас до Кронштадта и вернулись назад, а мы с мамой добрались до Ленинграда. 8 сентября 1941 года пришли к папиной сестре, а она так и ахнула – началась блокада! Так мы и остались в Ленинграде.

Блокада сурово прошла по нашей семье: младшая сестренка умерла в декабре 1941 года. Было ей 8 лет. В июне 1942 года умерла еще одна моя сестренка. Мой старший восемнадцатилетний брат в сентябре 1941 года пошел в военкомат и попросил, чтобы его взяли в армию.

Его зачислили в лыжный отряд

помощником командира взвода, т.к. он был крепким, физически развитым. Больше своего брата я не видела. В марте 1942 года пропал без вести здесь, на Ленинградском фронте.

Папа тоже потом стал работать в Ленинграде.

Поселились мы в недостроенном доме, где не было ни воды, ни тепла, на Строгановской набережной. Жили вшестером в девятиметровой комнатке. Папа болел, уже не вставал. Мама тоже болела. За водой ходила я. Идти нужно было две остановки. Я в двух маленьких ведерках потихонечку несла воду домой, брав ее из проруби. Не забуду, как у самого дома я упала, и вся вода пролилась, а идти снова я уже не могла – не было сил. Мама не ругала, а только попросила, чтобы я хоть снега немного набрала у дома. За хлебом ходили с сестренкой. Когда приносили хлеб, то поровну делили его на части, чтобы не съесть сразу, грели воду, опускали хлеб в теплую воду и ели.

Папу в марте 1943 г. отвезли в больницу им. Крупской. Я ходила его навещать, приносила ему немного хлеба, а он меня просил, чтобы на этот хлебушек ему купила махорки. Я ему принесла немного махорки, сделала закрутку, как могла, т.к. сам он уже не мог. Это была последняя просьба папы. Через три дня он умер. Хоронили сами. Я, тетя и моя сестра. На саночках довели до Серафимовского кладбища. Сами вырыли могилу и похоронили. Я сейчас за-

даю себе вопрос: почему мы тогда не плакали? Но ответа не нахожу.

На Скороходовской, где жила моя тетя, организовали контору по ремонту водопровода. Туда я и устроилась. И сегодня помню нашего начальника – Краюшкина, было ему всего 28 лет, а выглядел на 60. Я очень обрадовалась, что меня приняли на работу, т.к. там выдавали рабочие карточки, а значит норма выдачи хлеба больше.

Мама тоже устроилась на работу дворником. Также для столовой мы пилили и кололи дрова, за это нам давали супа или каши. Вставляли в четыре утра, чтобы успеть до работы дрова напилить и наколоть.

Я работала у Кировского моста. Идти нужно было остановки 4. Час-то ночевали на работе. Ведь при обстрелах трубы повреждались, и надо было устранять поломку в любую погоду, в любое время суток. Копали яму, где прорыв, заделывали дыры. Мерзли руки, немело лицо, но работу не прекращали. А в основном-то одни девчонки! Каждый день рыли траншеи, чтобы устранить протечки, ремонтировали и внутридворовые колодцы. Ключи тяжеленные, а все нужно было носить с собой, иначе как устранить неполадку. Искали, где промерзли трубы, ломками выковыривали грунт, а костры жечь не разрешали, т.к. немцам это могло стать ориентиром.

Ни о каких выходных, праздниках мы и не думали, хорошо пони-

мали, что сейчас не до праздников. Мы даже гордились, что приносим пользу людям, а поэтому не жалели себя. Праздник был, когда получали хлеб. Нам выдавали пропуска, по которым могли попасть в любой район, даже где был обстрел. На обстрелы мы уже не обращали внимания, привыкли, как к своим.

Потом в городе пошли трамваи. Это было большой радостью – ослабленному, больному человеку можно теперь ездить на работу, в поликлинику.

В 1943 году, кто работал на тяжелых работах, стали выдавать шроты – кусок творожной запеканки. Это был дополнительный паек. Так же прикрепили нас к столовой, где нам давали супчик, шроты.

Начальник был у нас хороший, добрый, как мог, жалел нас, девчонки. Хлопотал, чтобы нам выдавали ватники, сапоги резиновые, чтобы мы не болели, заботился о нас.

В моей памяти четко сохранился один эпизод. Мы несли ночное дежурство – три девчонки и парень – Илья Краюхин. В дежурке работало радио. И вдруг передают, что блокаду прорвали. Какая радость была, слезы радости и восторга вырвались из наших глаз! Кричали мы до хрипоты: «Любимый город, мы победили, мы не предали тебя, мы любим тебя!» Такой радости я больше никогда не испытывала.

Жизнь стала налаживаться. Как-то от работы нам дали билеты в театр Пушкина. Театр только открыл-

ся, а мы пошли в ватниках, штанах теплых, резиновых сапогах. Но все это было чистое, новое. Шла оперетта «Роза Мари». Очень хорошо играли артисты. В театре было безумно холодно, а артисты выступали в легких платьях, в тужельках. Как они старались отогреть наши души! Спасибо им большое!

В 1944 году стали давать выходные. О Победе узнала по радио. Объявили, что Советский Союз одержал Победу. Передали, что вечером будет салют. Мы с мамой ходили на салют. Салют был мощный! Небо Ленинграда освещено. Все люди плакали, обнимались, кричали: «Ура». Было очень радостно, была гордость за наших солдат, что они победили врага.

Что помогло выжить в эти трудные дни?

Ответ простой – первое – оптимизм, второе – трудолюбие, третье – вера в Победу, четвертое – взаимопомощь и поддержка друг друга, и, конечно, – ответственность.

Я твердо убеждена, что и сегодня эти качества помогут нам жить, радоваться жизни и никогда не сгибаться перед трудностями.

PS. Нина Ивановна и сегодня полна оптимизма и жизнелюбия. Она прекрасно исполняет романсы под гитару, любит своих детей, невестку, внуков, гостеприимна и общительна. Притягивает к себе своей обаятельностью и искренностью.

**Воспоминания записаны
в 2006 г.**

Из воспоминаний

ЗУЕВА

**Анатолия Ивановича,
1933 г.р.**

Родился в Ленинграде. Начало войны встретил в Псковской области, были с мамой и братом у бабушки. Дедушка сказал маме, что немцев наша армия быстро разобьет и уезжать никуда не надо. Но мама собрала нас, детей, и мы поехали в Ленинград. Через два дня были уже в городе.

Отец до войны работал на «Красном треугольнике», но уже на второй день войны он был призван в армию. Мама работала также на «Красном треугольнике» – в войну там выпускали противогазы.

Жили мы на Набережной Обводного канала. Буквально сразу начались бомбежки. Мы, мальчишки, тушили зажигалки. Бывало, кричали: «Ну, вражина, лети сюда. Сейчас мы тебе покажем». Нас научили правильно тушить зажигалки: сначала в песок поместить зажигалку надо

было. По подсчетам работника ЖЭКа потушил где-то 40 зажигалок.

В июле 1941 года маму отправили в Лугу рыть окопы. Мы с братом поехали с мамой, так как присматривать за нами было некому. (Мне было около 8 лет, а брату четыре года). Постоянные налеты, обстрелы, приходилось укрываться в окопах. Один случай под Лугой перевернул всю мою жизнь. Я наблюдал в воздухе воздушный бой истребителей – нашего и немецкого. В этом длительном поединке один самолет загорелся и пошел на снижение. Мы побежали к падающему самолету, толком не зная, чей самолет упал. Люди, которые рыли окопы, тоже побежали к падающему самолету. Самолет приземлился. Кабина открыта. Из кабины вытащили летчика. Им оказался наш летчик – старший лейтенант. Грудь у него была прострелена. Там, на поле, летчика и похоронили. Я очень сожалею, что не запомнил его имени. На этом месте, где захоронили летчика, я дал клятву, что обязательно стану летчиком и отомщу за смерть нашего летчика-истребителя.

В августе нас вернули с Лужского рубежа, так как находится там было очень опасно. И вот мы снова в Ленинграде. Нормы выдачи хлеба постоянно снижались. Самые тяжелые и страшные дни – октябрь – март 1941/1942 г.г. Здесь соединились вместе голод и холод. Мама уходила на работу, а мы оставались одни. Напротив нашего дома упал немецкий бомбардировщик, в результате чего все стекла в нашем

доме были выбиты. Мы искали фанеру, чтобы закрыть выбитые стекла. В один из дней мама не пришла с работы. Это было в начале декабря. У нас с братом ничего нет: ни еды, ни тепла. Добыть еду было невозможно. С братом лежали на кровати в валенках, в шапке. Спасение наше было в том, что отца отпустили на два дня домой. Отец служил на Ленинградском фронте, и как раз шло формирование части. (Отец был замполитом). Отец пришел домой, увидел нас с братом, лежащих в кровати, еле живых, замерзших, голодных. Отец проверил мой пульс, который показывал 16 ударов в минуту. Потом (уже после войны) отец признался, что эта картина, картина умирающих детей, долго была у него перед глазами. Отец разломал оставшуюся в комнате мебель, затопил буржуйку, нагрел воды, приготовил каши из концентратов и начал нас кормить. Папа спросил: «А где мама?»

– На заводе.

– А сколько дней ее уже не было дома?

– Не знаю.

– А сколько дней вы лежите?

– Не знаем.

Отец взял саночки и поехал на завод. Там он стал разыскивать маму. Он ее нашел. Она лежала вся опухшая от голода, не могла уже двигаться, говорить. Была безнадежной. Папа привез маму домой. На следующий день ему надо было уезжать. Он оставил нам весь свой паек. Дорубил всю мебель, чтобы у нас были дрова, заделал окна.

Потом он еще один раз к нам заезжал, пока их часть была под Ленинградом.

Январь 1942 года. Тяжелое время во всех отношениях. Еды нет, дров нет, воды нет. В феврале 1942 года наш дом сгорел от зажигательной бомбы. Жили мы на втором этаже. Сумели взять кой-какие пожитки и все. Мама плакала и очень просила нас с братом помочь ей спасти швейную машинку, за которой она стояла в очереди долго (еще до войны). Машинка была тяжелой, а жили мы на втором этаже. Очень нелегко нам было вытащить машинку. Пожар на следующий день потушили. Мы вернулись в комнату, но это была не жилая комната, а ледяной дом. Огромные сосульки свисали на стенах, фанеры на окнах не было. Жить в комнате было нельзя. Через два дня нас определили в квартиру на Канале Грибоедова. Мама уже работала на заводе. Весной стало полегче, так как пошла трава. Всю весну город боролся с эпидемией. Мы, мальчишки, ломали ломом лед, убирали снег, грязь, вывозили трупы. Город таким образом спас людей от разных инфекционных болезней. И еще нам, мальчишкам, удавалось добывать воробьев. Недалеко от нас была конюшня. Рядом складывали конский навоз. Воробьи разрывали эти кучи, искали червяков. А мы подстерегали воробьев, из рогатки подстреливали, чистили, мыли и варили. Получался неплохой суп. Иногда мне удавалось за день поймать до 20 воробьев. В сентябре нормы выдачи хлеба по-

высили. 18 января 1943 года прорвали блокаду. У нас появилась надежда, что мы победим и выживем. Папа со своей частью пошел дальше, к границе.

В 1944 году я пошел в первый класс. Схватывал все быстро, и через полгода меня сразу перевели в четвертый класс. Папа прислал вызов, чтобы мы приехали к нему, а он в то время находился в Бресте. 2 августа 1944 года мы туда приехали. Я пошел в школу. Маме как-то сказал, что после школы пойду учиться на летчика. Мама сказала, что летчика из меня не выйдет, больно слаб, ведь два раза терял сознание от голода. Но я был уверен, что все равно свою мечту осуществлю.

В Бресте однажды я совершил почти героический поступок. Вокруг Брестской крепости был форд. Неподалеку от форда была привязана корова. Она оторвалась и упала в воду. Хотела выплыть, но так как ее нога была привязана к шее, то выплыть у нее не получалось. Хозяин коровы бегал вокруг, но ничего не мог предпринять. Я прыгнул в воду, отвязал веревку от ноги, и корова смогла выплыть. Так я спас животное. Хозяин потом благодарил меня.

Победу встретили в Бресте. Мы ничего не знали. Вдруг в ночь с 8 на 9 мая 1945 года началась страшная, непрерывная стрельба. Я подумал, что немцы захватили Брест. Побежал к папе с расспросами, что случилось. Папа сказал, что это наступила долгожданная Победа!

Папа достал пистолет ТТ, выстрелил в воздух и мне дал выстрелить, тем самым выразить свою радость.

Я закончил школу. Родители не хотели, чтобы я стал летчиком. Что делать? Как осуществить свою мечту?

Я украл у родителей 500 рублей и тайком уехал поступать в летную школу, которая находилась в Одессе. Было мне тогда 17 лет.

Шел 1950 год. Благополучно поступил в летную школу, стал осваивать самолеты. В 1953 году уже самостоятельно сел за штурвал самолета. В 1955 году окончил летную школу и был направлен на Военно-морской Балтийский флот.

Началась офицерская жизнь. В 60-х годах служил в Сибирской авиации. В 60-х освоил сверхзвуковой истребитель «СУ-9». Дослужился от командира звена до старшего летчика – инструктора авиации армии ПВО. В 1975 году попал в катастрофу. Долгое время провел в госпитале. Но продолжил военную службу до 1977 года.

Общий налет мой – 2800 часов. Посадок – около 7000. Освоил 11 типов самолетов.

Родители смирились с моим выбором. Отец долго потом обижался, что я его не послушал. Но когда я приехал в форме, с кортиком, то отец сказал: «Ну, что ж сынок, раз ты решил стать летчиком, то так тому и быть». Потом он гордился моим выбором. После увольнения из авиации мне еще лет 10 снилось небо и самолеты.

Наше Армавирское училище

НАШИ ВЕТЕРАНЫ

АНИКИНА
Зинаида Антоновна

АНКУДИНОВА
Людмила Дмитриевна

АНУФРИЕВА
Елизавета Михайловна

АХВЕРДОВА
Лидия Андреевна

БАКШТАНОВСКАЯ
Лина Ивановна

БОГДАНОВ
Олег Сергеевич

ВЕРШИНИНА
Софья Фатхутдиновна

ВИГОВСКАЯ
Нина Федоровна

ВИНИЦКАЯ
Татьяна Андреевна

ГНАТЮК
Анна Павловна

ГУДКОВСКАЯ
Манефа Фёдоровна

ДАРАГАН
Лидия Николаевна

ДЕМЕНТЬЕВА
Софья Михайловна

ЗАВАЛОВА
Прасковья Андреевна

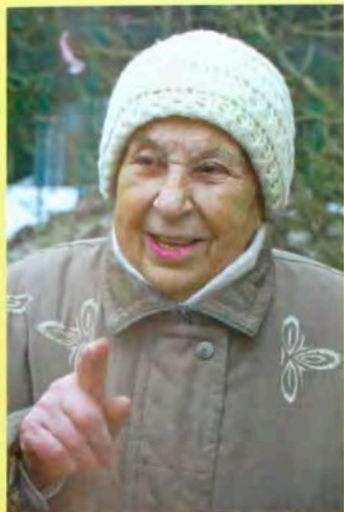

ИВАНОВ
Михаил Павлович

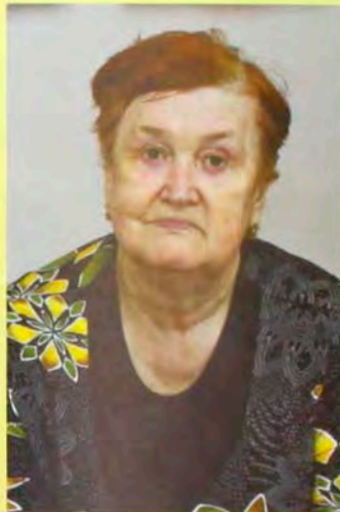

КАРПОВА
Нина Ивановна

КОЧЕРОВЕЦ
Лидия Фёдоровна

КРЕМЕР
Раиса Давыдовна

КУКУШКИН
Юрий Михайлович

КУРАТОВ
Анатолий Васильевич

КУРИЛЕНКОВА
Светлана Ивановна

КУРШИНА
Валентина Аркадьевна

КУЧЕРОВА
Александра Федоровна

ЛУКАШЕНКО
Иван Николаевич

БУГРОВ
Иван
Сергеевич

ВЛАСЕНКО
Евгения
Ивановна,
ГРИГОРЬЕВА
Мария
Яковлевна

ВОЛОДИН
Тихон
Фёдорович

ГАЛАШКИНЫ
Ирина
Николаевна,
Олег
Алексеевич

ЖАБРОВ
Леонтий
Николаевич

КАНУТКИНА
Ольга
Карловна

ЛАНКИНА
Валентина
Афанасьевна

ПОБОЧНЫЙ
Владимир
Иванович

РУСАКОВА
Ия
Ефимовна

СОЛОВЬЕВЫ
Владимир
Григорьевич,
Александра
Ефимовна

СТЕПАНОВА
Анастасия
Степановна

СУВОРОВА
Елена
Ивановна

СУВОРОВЫ
Валерий
Иванович,
Лариса
Николаевна

ТИТИВИНЫ
Анатолий
Федорович,
Людмила
Ивановна

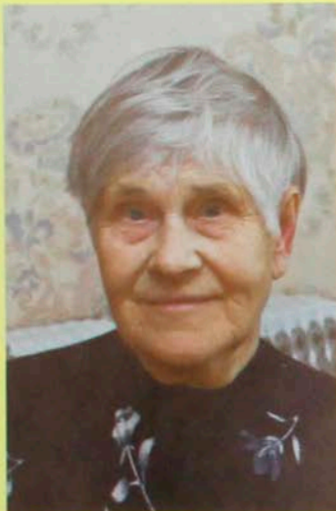
ТРИФОНОВ
Петр
Михайлович

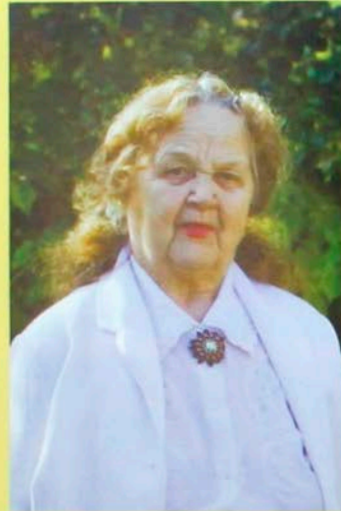
ЦАРЬКОВА
Татьяна
Ильинична

ЛУКИНОВА
Антонина Ивановна

ЛУКЪЯНОВА
Надежда Тимофеевна

ЛЮБОМИРОВА
Серафима Владимировна

МАТВЕЕВА
Валентина Егоровна

МЕДВЕДЕВА
Александра Васильевна

МОЧАЛОВ
Иван Николаевич

НИКИТИНА
Зинаида Васильевна

ОЛЬНЕВА
Надежда Александровна

ПУГАЧЕВА
Валентина Владимировна

САВКИНА
Анастасия Григорьевна

САВЛЮКОВА
Феодосия Максимовна

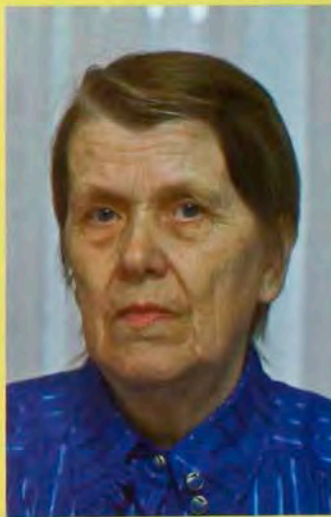
СЕРЖАНИНА
Вера Алексеевна

ТИШУРОВА
Ольга Ивановна

ТОПОРКОВ
Георгий Александрович

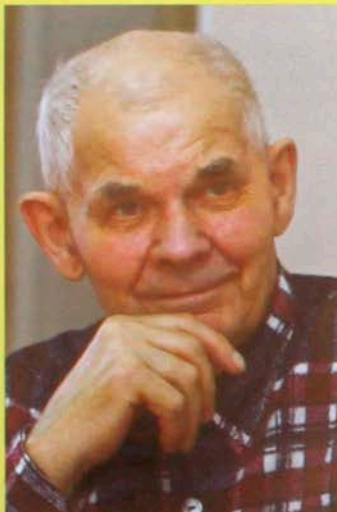
ТРЕФИЛОВА
Нина Владимировна

ФЕКЛИЧЕВА
Мария Павловна

ФЕСЬКОВА
Ольга Павловна

ЦЫБО
Евгений Григорьевич

ШАРАФАНОВ
Алексей Васильевич

ШЕСТРУК
Вера Григорьевна

ШЕШУКОВА
Вера Ивановна

ШИХОВА
Раиса Львовна

ШОРОХОВА
Нина Захаровна

ЯРОПОЛОВА
Маргарита Венедиктовна

выпустило 450 летчиков, из них 28 ленинградцев. Сейчас нас осталось лишь трое. Мы поддерживаем связь. На кладбище Песочного захоронены три летчика, которых мы знали. Каждый год в день авиации мы приходим на их могилы и поминаем своих товарищей. Дружба летчиков очень крепкая и надежная, так как она связана с трагедией. Чувство локтя, взаимовыручки у нас, летчиков, на первом месте.

У меня за всю жизнь была одна профессия – летчик, и я горжусь этим! Горжусь, что свою жизнь посвятил авиации.

Из воспоминаний ИВАНОВА

**Николая Алексеевича,
1928 г.р.**

Родился в Ленинградской области, пос. Ново-Паново, в Лиговке. Там и встретил начало войны. Видел первый массированный налет на Ленинград: небо было черным от большого количества самолетов. Было страшно. Видел, это было 5 или 6 сентября 1941 года, отступление наших войск после сильного боя под Красным Селом. Там и немцев побили сильно.

С 9 сентября по Волхонскому шоссе ходила немецкая машина и вела обстрел из минометов. Мы бежали в окопы и ждали, когда все закончится. Враг все ближе подходил к городу. Практически все население Лигова начало покидать свои дома. 14 сентября мы всей семьей – мама,

папа, я и мой младший брат 5 лет, пошли в Ленинград. С собой взяли лишь немного еды и кое-какие вещи. Шли под минометным обстрелом. Шли пешком до Нарвских ворот (по Петергофскому шоссе трамваи уже не ходили). От Нарвских ворот до улицы Гоголя ехали уже на трамвае. Поселились у родственников. А оставили в Лигове новый дом 1936 года постройки. Бабушка и дедушка остались там, но ненадолго. В конце сентября все было сожжено. Кто не успел уйти, были угнаны или в Псковскую область, или на работы в Германию.

Блокада

Свое лицо война в нашем городе показала сразу. Я видел, как снаряды попали в колонну Исаакиевского собора. Мы, тринадцатилетние мальчишки, дежурили на крышах, тушили зажигалки, оборудовали бомбоубежища. Работу давали нам в ЖЭКе. Работа была добровольной, но мы с большим желанием выполняли ее, так как хотели быть полезными городу в

этот трудный момент.

В октябре запомнился случай. Не успели объявить воздушную тревогу, и бомба упала на дом по улице Гоголя № 9, в результате чего полдома снесло.

Погибли те, кто там проживал.

Школа с сентября не работала. Учебу организовали с первого ноября. Занятия проходили в подвале школы. Когда был отключен свет, то занятия шли при коптилках. (Это маленькая бутылочка с керосином и фитильком). Потом мы переехали на Транспортный переулок, и мне приходилось бегать в школу на ул. Плеханова. Путь был не короткий, да и не безопасный. Один раз меня чуть не убило.

Я бежал из школы домой, на Гороховой взорвался снаряд, метров 20 от меня. На моих глазах убило 3 человека, а меня задел осколок, который пролетел и вонзился в стену дома. След от осколка над бровью оставался у меня долго. С нового года я уже не учился: не мог ходить от голода. Но, чуть покрепнув, я был главным добытчиком дров. Папа был оставлен в городе по брони, но домой не приходил, так как их завод был на военном положении. Мама работала. Я добывал дрова.

До сегодняшнего дня перед глазами один случай: загорелся от буржуйки дом напротив станции метро «Лиговский проспект». Дом был большой, но тушить было нечем. Вода замерзла, водопровод не работал. У людей сил нет. Люди по-

кидали дом, так как жить в нем было нельзя. Ну а люди выбирали все деревянные части для отопления своего жилища. Хорошо запомнил этот день: второе марта 1942 года. Я отправился за дровами в этот почти сгоревший дом. Практически все деревянные части уже были выбраны.

Я поднялся на четвертый этаж и там увидел часть круглой железной печки, под которой были деревянные доски. Радость была неописуема! Но как подобраться к тому месту? Остался лишь каркас. По рельсине я добрался до печки, стал ее трясти, чтобы достать доски, и вместе с печкой рухнул с четвертого этажа вниз. Приземлился на левый бок. Здорово стукнулся и головой. Сколько я пролежал, не помню. Когда очнулся, то увидел, что вокруг валяются щепки от досок, да и я весь завален. Я собрался, превозмог боль и побрел домой. Идти надо было метров 500. Как шел, не помню. Видно в горячке не чувствовал резкой боли. Дошел до дома, открыл дверь и упал. Два месяца меня выхаживали. В мае пошел в поликлинику, где мне сделали рентген, который показал, что все левое легкое было темным от заpekшейся крови. Но молодость брала свое: к середине мая я почти поправился.

Весной все, кто остался в городе, были привлечены через ЖЭК к уборке города, от снега, льда, трупов. На нашей лестнице от второго до первого этажа всю зиму склады-

вали штабелями умерших. Хоронить было некому, да и сил-то ни у кого не было. А люди умирали в холодную зиму 1941-1942 г.г. семьями.

В нашей квартире, где было 16 комнат и проживало 16 семей, к весне осталось лишь три семьи, и то не в полном составе. Самое тяжелое и голодное время было зимой 1941-1942 г.г., когда нормы выдачи хлеба были крайне низкими. Хлеб давали лишь на два дня, не больше.

Помню этот блокадный хлебушек: черный, тяжелый и очень маленький кусочек. Бывало, получишь по карточке свою норму, гладишь, гладишь хлебушек и думаешь, что только бы донести до дома, так как его ждут тоже голодные, близкие и родные мне люди. Но не всегда удавалось сдержаться, порой от кусочка отщипывал и ел, так хотелось есть, что мочи не было. Помогло нам выжить в ту страшную зиму и тепло, комната у нас была теплая. Трубу от буржуйки вставляли в круглую печку, она нагревалась, кирпичи прогревались и долго держали тепло. Тепло для голодного человека тоже было важным.

Город очистили от снега, льда, трупов, не было инфекций. Город был чистым, хотя убирали его едва живые, ослабленные ленинградцы. Ни страха, ни паники у нас не было. Запомнился мне весенний 1942 г. Невский проспект. Абсолютно пустой, но чистый, чистый. Я его больше никогда таким не видел.

В конце июля 1942 года по предписанию от райисполкома эвакуировали из города маму, меня, младшего брата. (Папа так и оставался на брони, работал круглосуточно, домой не приходил).

Нас эвакуировали по Ладоге на баржах. Сначала все прибыли на Финляндский вокзал, где формировался поезд из эвакуированных.

Поезд дошел до Осиновец (на Ладоге). Там нас погрузили на баржу, и буксир потащил по Ладоге на другой берег. Нас предупредили, что возможны обстрелы. Но произошло другое: баржа села на мель. Целые сутки сидели мы на мели, беззащитные, открыты всем. Кругом вода, вдали разрывы вражеских снарядов, мы голодные. Что нас ждет, и когда нам придет помощь, никто не знал! Но судьба была благосклонна к нам. Утром следующего дня пришел другой буксир и сдернул баржу с мели. Доставили нас в Кабону. Там поездом отправили в глубь страны. Оказались мы в Троицке, Челябинской области. Питание в поезде было организовано хорошее. Но в дороге много людей умирало, многие от заворота кишок. Истощенный организм не смог переварить пищу.

С 1 сентября 1942 года я снова стал учеником школы, прийдя в 6 класс. Проучился до декабря месяца. Потом пошел на завод учеником слесаря-инструментальщика. С декабря 1942 года на заводе было объявлено казарменное положение: фронту нужно оружие. Мы не ухо-

дили домой. Работали круглые сутки, лишь небольшой сон, прямо здесь, у станка. Но кормили нас в столовой завода. Где-то с 1943 года мы стали работать по 12 часов, а с 1944 года малолетки стали работать по 6 часов.

Так я работал до Победы.

В июле 1945 года по вызову из Ленинграда наш завод возвращался в родной город. (Завод, на котором я работал в Троицке, был эвакуирован в 1941 году из Ленинграда). Я вернулся в Ленинград один. Добирались до Ленинграда вместе с оборудованием завода 12 суток. Ехали мы в грузовом вагоне. (Автоматноштамповочный завод).

Ленинград встретил нас побитым: многие дома разрушены, часть домов заброшена. Дом, из которого мы уезжали, был заселен. Мне дали комнатку на территории завода. Там я и стал жить. Мама с братом приехали в город в ноябре 1945 года.

В войну в нашей семье умерли от голода: в конце 1941 года дядя, второй дядя погиб под Варшавой, дедушка умер от голода в Горелове в 1942 году.

Работал я на заводе до 1947 года, пока не окончил вечернюю школу

В 1947 году поступил в индустриальный техникум, который закончил в 1951 году по специальности – техник-механик по механизмам металлургических цехов. Распределили меня в «Гипроалюминий», кото-

рый потом переименовали в институт ВАМИ (Всесоюзный Аллюминиево-Магниевый институт). Работал конструктором. Дослужил до руководителя группы и главного конструктора. Проработал там 45 лет. Являюсь лауреатом премии Совета Министров СССР по технике производства алюминниевго порошка.

Николай Алексеевич – житель блокадного Ленинграда, труженик тыла, почетный ветеран, почетный донор, отличный семьянин, неоднократно его портрет был помещен на «Доске почета».

*Воспоминания записаны
в 2007 году*

**Из воспоминаний
КАШИНОЙ
Елены Ивановны,
1926 г.р.**

Я родилась в селе Большое Кузьмино близ Царского села.

Когда началась война, мы эва-

куировались в Ленинград, но так как к тому времени у меня уже родителей не было, то мне не хотелось уезжать.

Приехав в Ленинград, я жила на улице Халтурина, рядом с Невой и кораблями, в семье своей тети. Без меня в этой семье было 5 человек, а тут я еще – шестая. Родственники взяли надо мной опеку.

Жили нелегко. Запасов не было никаких, в магазине покупали только фруктовый чай, а вскоре и того не стало. 1941-1942 были самыми тяжелыми, уже хлеб был по карточкам.

Жили под постоянными обстрелами, а за водой приходилось ходить на Неву.

Иногда скалывали лед во дворе. 125 граммов блокадного хлеба, чуть крупы, которую давали детям – вот и весь рацион. Нои окопы рыть приходилось, и по домам ходили, чтобы сообщать в домоуправление об умерших в квартирах людях.

В моей семье никто не воевал, потому что брат мой родной ушел в

армию еще до войны, писем не писал. Знаю о том, что погиб еще в начале войны. Я пыталась после войны его найти, но так никаких сведений о его кончине и не узнала.

А вот у тети, у которой я жила, воевал брат. Она была очень больна. За карточками приходилось ходить мне.

В 1942 году, когда я пошла за хлебом, у меня отобрали карточки. Я очень плакала и боялась идти к тете. Но пришла и созналась во всем.

Тетя сказала мне: «Уходи, куда хочешь, кормить тебя нечем». Так и началась моя самостоятельная жизнь. Я пошла в Октябрьский райсовет и получила направление на торфоразработки в Щеглово, которое находилось недалеко от поселка Блудное. Добираться туда пришлось пешком, а люди были истощены, падали от голода. Помогая друг другу, мы шли на работу.

Ночевали в первую ночь в бараке, где были сложены трупы людей. Нас распределили на работу – добывать торф для 8-й ГЭС. Летом мы добывали торф, а зимой прокладывали линию для его вывоза.

В 1943 году я научилась работать на тракторе и уже с помощью него переворачивала огромные пласты торфа. Работали по 12 часов в день, без выходных, постоянно не доедая.

На болоте мы собирали клюкву, бруснику и сдавали это в столовую в обмен на рыбу или кашу.

Больше всего запомнился бой советского и немецкого самолетов в небе, который завязался прямо на наших глазах. Наш самолет был

подбит и упал в Синявинские болота. Когда мы туда попали, на могиле уже стоял крест деревянный и к нему прикреплена табличка с именем Алексей. На могиле лежал кожаный летный шлем.

Вспоминая прошлое, хочется сказать, что жили мы в то время дружно. Собираясь вместе, мальчики играли на гитаре, девочки пели. Вместо чая пили обычный кипяток. Смотрели документальные фильмы, ходили на танцы.

Елена Ивановна имеет следующие награды:

- медаль «За оборону Ленинграда»,
- медаль «Ветеран труда»,
- медаль «65 лет Победы».

Из воспоминаний КИРПИКО

**Николая Григорьевича,
1928 г.р.**

Война застала нас в Орехово (Ленинградская обл., Токсово, 41 км. от Песочного). Я окончил 4-й класс. При приближении линии фронта все жители поселка эвакуировались, кто куда. Мы тоже поехали на лошаденке в контору отца (работал мой отец лесником), которая находилась в пос. Вартемяки Парголовского р-на. Отцу дали лесной обход в прифронтной зоне, и мы в ноябре 1941 года приехали в д. Сарженку, где папе выделили жилье. Всех гражданских жителей с деревни эвакуировали. А вот военных в деревне было много. Школа была в Вартемяках, это в пяти километрах от нас.

1941-42 годы школа не работала. В 1943 году я пошел в школу, в 5-й класс, тогда этот класс был старшим. В классах было холодно, сидели в шапках, пальто, даже чернила замерзали от холода.

Мы, ученики, сами для школы заготавливали дрова, пилили их, кололи. Не раз по дороге в школу я слышал, как летят снаряды. Это финны обстреливали военный аэродром в п. Касимово.

У нас, в метрах пятистах от дома, была зенитная батарея, а землянка офицеров и того ближе – метрах в ста пятидесяти. Офицеры получали два раза в месяц дополнительный паек, и каждый раз звали меня к себе и делились своим пайком. Низкий поклон им за это, они

помогли мне выжить в то голодное время.

Осенью 1943-1945 г. мы, школьники, ходили в колхоз на уборку картофеля и овощей. За работу нас один раз в неделю кормили в колхозной столовой.

За продуктами (отovarивать хлебные карточки) я ходил в Агалатово, это в 4 км от нас. Пока иду обратно домой, то почти 1/3 хлеба съем. Родители меня не ругали.

О Победе я узнал в школе. Радости, у нас, школьников, было хоть отбавляй! День был теплый, солнечный. Нас домой отпустили с занятием. Все радовались, плакали, кричали «Ура!»

Март 2009 г.

Из воспоминаний КОЧКИНОЙ

**Любови Александровны,
1929 г.р.**

Война застала меня в Ленинграде. Там я родилась, там проходило мое детство, радостное и беззаботное. Но 22 июня 1941 года все это ушло в прошлое – началась война.

8 сентября 1941 года началась блокада. Сразу же с наступлением блокады ощущали недостаток еды. Ведь огорода не было. У мамы – 3 детей. Папа работал на заводе, умер от голода в 1942 году. У меня была цинга, дистрофия. Получали по 125 граммов хлеба и больше ничего. Потом норму хлеба увеличили, но это тоже были крохи.

Немец бомбил так часто, что хо-

дить в бомбоубежище не было сил, мы сидели на лестничной площадке, а потом вообще перестали выходить из квартиры. Когда пайки увеличили, это уже не помогало организму, настолько он был ослаблен.

Весной 1942 году я пошла в школу. Там кормили обедом. Но обессиленные дети умирали прямо за партами.

«Буржуйки» топили мебелью. И все это на глазах у мамы: больные дети, а помочь нечем. В это время мы не думали о 900 днях. Выжить при голодном пайке, без добавочного продукта природы практически было невозможно. А на рынок нести уже нечего.

Мама решила вывезти нас в Горький в 1943 году, после прорыва блокады, там жила ее сестра. Но до Горького не доехали. Поселились в деревне Топассево. Там нам дали дом. Мама устроилась на работу. Так благодаря добрым людям, которые помогали нам, чем могли, мы выжи-

ли. Я тоже работала на поле. Сушили сено, пололи, собирали урожай, помогали взрослым, чем могли. Пробыли там до мая 1945 года. Вернулись в любимый город.

Из воспоминаний КУЗЬМИНОЙ М.А., 1931 г.р.

Я, Кузьмина Марианна Александровна, хочу рассказать о своей маме – Павловой (Исаевой) Клавдии Константиновне. Она родилась в 1911 году, в поселке Графская (ныне пос. Песочный). До войны работала мама в поселковом совете бухгалтером. Когда началась война, маме было 30 лет. Сыновья дедушки погибли во время войны. Начались тяжелые, жестокие дни блокады. Мама работала на очень ответственной работе – она выдавала продовольственные карточки жителям нашего поселка. В этой работе нужна была точность. Каждую карточку надо было правильно оформить и занести в тетрадь. Нужно было знать кому какую карточку выдать – кому иждивенческую, кому служащую, кому детскую. Если человек

умирал, то карточку надо было сразу же сдать. Строгий учет и контроль в этой работе был необходим. Так же мама принимала участие в рытье окопов в нашем поселке.

Мама, чтобы спасти нас, детей, продавала, что было дома, и на вырученные деньги покупала еды. Моя бабушка тоже работала на дому. Солдаты приносили большие мешки с сосновыми ветками, и бабушка отделяла от веток хвою, из которой делали отвар от цинги. За это бабушке давали немного хлеба.

Так всю войну мы были здесь, в Песочном. Война подорвала здоровье мамы. На 51-ом году своей жизни мамы не стало.

Я горжусь своей мамой.

20 ноября 2009 г.

Из воспоминаний НАЛИЦКОЙ Анны Алексеевны

**Размышления
и воспоминания ребенка
блокадного Ленинграда,
посвятившего всю
свою жизнь детям...**

Блокада Ленинграда – это одно из самых жестоких, трагических событий Великой Отечественной войны.

Написано о блокаде Ленинграда много, но только тот, кто испытал эту долю сполна, поймет блокадника.

«Наступили дни, которые не смог бы выдумать самый неумный пи-

сатель-фантаст. Картины Дантова ада померкли, потому что они были только картинами, а здесь жизнь взяла на себя труд показать удивленным глазам небывалую действительность. Она поставила человека на край бездны, как будто проверяла, на что он способен, чем жив, где берет силы» (Николай Тихонов, писатель, переживший блокаду)

Мне было 10 лет. Мы жили в Парголово, в общежитии завода «Металлопродукт» в трехкомнатной квартире, три семьи. Жили дружно. Помогали друг другу. Огорода не было.

Зима 1941-42 годов была самой трудной, самой холодной, самой лютой и темной.

Ни еды, ни тепла, ни света, ни

покоя...

Морозы доходили до -40 градусов. Вой сирены воздушной тревоги по радио, гул фашистских бомбардировщиков (граница фронта в 5 км), грохот взрывов (город беспощадно бомбили), пламя пожаров... И постоянно хотелось есть.

Голод – очень мучительное чувство, беспощадное, большое страдание и физическое, и душевное.

Все знают норму хлеба в блокированном Ленинграде. Черный кусочек блокадного хлеба не похож на тот душистый хлеб, что мы едим теперь. И единственной пищей он был не месяц, не два и не четыре, а всю зиму 1941-42 года.

Мы все были дистрофиками. Я помню себя весной 1942 года. Сначала это был скелет, обтянутый кожей, потом стала опухать. Ноги как бревна, глаза – щелочки, руки – синие, нажмешь – и ямка, потеряла передний зубик.

Весенняя трава спасла мне жизнь. Мы траву варили, делали лепешки, жарили их прямо на плите. Вдвоем с мамой съедали три наволочки травы.

Состояние минимальной жизни. Жутковатое словосочетание. Это вполне научное, с точки зрения медицины. Описание того пограничного положения, в котором пребывали ленинградцы. Кто выжил, до сих пор подвержен так называемому блокадному синдрому, выявленному уче-

ным Борисом Рачковым.

«Здоровых блокадников нет и быть не может. Ведь они испытали потрясение самых биологических основ организма». Жаль, что эти глубинные травмы сказываются на детях и внуках, переживших блокаду.

Ученый – биолог Светлана Мацаева – соавтор книги «Ленинградская блокада: исследования в науке и медицине» пишет: «Помогал особый блокадный оптимизм. Выживали люди с сильной мотивацией выжить». «Не питаться! – это часть идентичности блокадников. Не привыкли ничего просить для себя».

Несмотря на ужасы блокады, Ленинград выстоял и победил, опираясь на поддержку всей страны. Вся страна помогала продуктами. (Блокаду сняли 27 января 1944 года). Вся страна принимала и возвращала к жизни дистрофиков, некоторые и ходить самостоятельно не могли. Их вывозили из города по льду Ладожского озера под обстрелами фашистов и с суши, и с воздуха. Из США в Советский Союз поступала помощь по так называемом «Ленд-Лизу», что означает «давать займы, сдавать в аренду».

(В.Песков «РГ». 11 марта 2010г.)

О роли школы в блокаду и в трудные послевоенные будни следует сказать особо. Наши учителя давали нам хорошие знания; ежегодно мы сдавали экзамены по всем изучаемым предметам.

Например, экзамен по военному делу в 4 классе состоял из двух частей: строевая подготовка и умение быстро и правильно собрать и разобрать малокалиберную винтовку.

Учителя заботились о нашем здоровье. Обязательной была общешкольная физзарядка перед началом занятий. Школа работала в две смены, зарядка была обязательной и в первую, и во вторую смены. Ежедневно нам давали горячую кашу. Когда я заболела, то одноклассник Вася Смирнов приносил мне кружечку каши. Он жил по соседству.

Дрова для печей заготавливали старшеклассники и учителя. Очень любили мы в перемену погреться у печки.

С собой носили чернильницы, непроливайки и ручки со вставным перышком. В школе мы учились дружбе, ответственности, порядочности, патриотизму, получали трудовые навыки. Мы много работали на совхозных полях и летом, и осенью.

До 1954 года поселок Песочный административно относился к Парголовскому району Ленинградской области. Все районные и учреждения и службы находились в центре Парголово. Первая средняя школа была построена в Песочном в 1953 году. Парголовская средняя школа летом 1943 года работала в совхозе «Бугры». Мальчики заготавливали

силос, девочки пололи длинные-предлинные грядки. Жили в бараках – свиарниках, на выходной шли домой (приблизительно 8 км)

Дети жили жизнью страны, города. Ходили в госпиталь в Осиновую Рощу с концертами и подарками, сделанными старательными детскими руками. Раненые были рады приходу детей, улыбались, прекращались стоны. Раненых было очень много, их койки стояли почти вплотную друг к другу. В блокадном городе шла обычная повседневная человеческая жизнь.

*В грязи, во мраке,
в голоде, в печали,
Где смерть, как тень,
гуляла по пятам,
Такими мы счастливыми бывали,
Такой свободой бурно дышали,
Что внуки позавидовали б нам.*

Ольга Берггольц

Большое внимание в блокаду, в войну и в трудные послевоенные годы школа уделяла спортивному воспитанию ребят. Мы сдавали нормы БГТО. ГТО, участвовали в соревнованиях. Летом 1947 года я была в спортивном лагере города Выборга. Летом 1948 г. работала в районном пионерском лагере, который располагался в п. Песочный. В здании неполной средней школы. Вся моя жизнь связана со школой. Свою работу я очень любила.

22 марта 2010 года

Из воспоминаний РОЗЕНБЕРГА

**Всеволода Николаевича,
1930 г.р.**

Девчонки и мальчишки в блокадном Ленинграде

Война всегда приносила людям горе и нечеловеческие испытания. И даже мы, дети, сразу повзрослели, потому что на наши плечи легли совсем не детские заботы.

29 июня 1941 года в Ленинграде началась эвакуация. Многие дети уехали, но немало детей осталось в городе.

В домохозяйствах были организованы трехдневные или четырехдневные занятия для школьников по правилам пользования противопогазом, тушения зажигательных бомб и дру-

гое. Мы помогали взрослым оборудовать подвалы под бомбоубежище, собирали старые чулки, насыпали в них песок, завязывали и поднимали на чердак, где складывали их по разным местам. Как они потом пригодились при тушении зажигалок! А сколько времени мы провели на чердаках и крышах наших домов в составе связанных, пожарных и наблюдателей. В обязанности последних входило следить за соблюдением светомаскировки, а случалось, что мы обнаруживали вражеских сигнальщиков, которые подавали сигналы во время налетов фашистской авиации и указывали, где сбрасывать бомбы.

1 сентября 1941 года занятия в школе не начались. Во многих школах организованы были госпитали.

8 сентября 1941 года город оказался во вражеском кольце. И еще одна беда пришла в этот день: в 18 часов 55 минут вражеская авиация впервые подвергла город массированному обстрелу. Только на Московский район упало 5000 зажигательных бомб и вспыхнуло 178 пожаров. Один из них, самый большой, охватил деревянное хранилище продуктов – Бадаевские склады.

20 ноября 1941 года устанавливается минимальная норма выдачи хлеба: 250 гр. в сутки для рабочих и 125 гр. для служащих, иждивенцев и детей. Эта норма существовала 35 дней.

Летом 1942 года меня мобилизовали на сельскохозяйственные работы в совхоз, местечко Разме-

телево. После тяжелой, голодной зимы 1941 года мы были работники неважные, да и вода была отравлена, было очень трудно и с едой. Но все же какую-то работу мы, подростки, делали.

А вот летом 1943 года мы уже окрепли и работали в совхозе, выполняя все нормы и задания. Совхоз находился в Лахте. Там нас кормили по норме рабочей карточки, и нормы на работу были как у взрослых. Была организована художественная самодеятельность, и мы выступали перед бойцами. Но не все было так благополучно. Однажды около железнодорожной станции был проложен в сторону залива ж/д путь, и туда пришли 2 или 3 платформы, на которых стояли снятые с кораблей орудия. На крыше нашего старого здания школы, где мы жили, расположились наши корректировщики, и вскоре начался обстрел Петергофа, где были фашисты. Мы работали на морковном поле у самого Финского залива, и снаряды летели прямо над нашими головами. Мы ложились в канаву. Один из снарядов все же упал на наше поле, и осколки пробили забор, но мы, к счастью, не пострадали. 1 декабря 1943 года нас наградили медалью «За оборону Ленинграда». В 1944 году мы трудились в совхозе «Саратовская колония», но это уже был тихий год.

Нужно отметить, что треть всех сельхозпродуктов в блокадном Ленинграде производилась школьниками.

Вот таким было мое детство.

Из воспоминаний СИВОГО

**Владимира Иосифовича,
1930 г.р.**

Родился я в Ленинграде, на Петроградской стороне. Сейчас на месте этого дома стоит Дом бытового обслуживания. Первая моя школа была на улице Плуталовой. К началу Великой Отечественной войны окончил 3-й класс, и было мне 11 лет.

Начало войны помню, как и большинство ленинградских мальчишек моего возраста. При объявлении по радио о воздушной тревоге кидались наперегонки в ЖАКТ (жилконтору), чтобы первым схватить там

воздушную сирену и обежать все 3 двора дома, крутя там сирену. Помогали копать и оборудовать во дворе «защитные щели» – крытые траншеи, в которых нужно было при воздушной тревоге прятаться, чтобы уцелеть при обрушении дома. Помогали взрослым дежурить на крышах дома и тушить «зажигалки».

В темное время суток по улицам и дворам ходили патрули и проверяли светомаскировку – затемненность окон. И если в это темное время удавалось отпроситься на улицу, то обычно помогали патрулям определить номера квартир нарушителей светомаскировки и бегали по этажам, заставляя хозяев полностью затемнить окна. Сюда же подмешивалась и борьба со «шпионами-сигнальщиками», очень хорошо описанная в детской книге «Зеленые цепочки» (автора не помню). Пионерская организация призывала быть бдительными!

Где-то в середине июля шефы нашего ЖАКта – завод «Слоистых пластиков» – организовали вывоз-эвакуацию детей работников завода и подшефного ЖАКта из Ленинграда. Вывозили куда-то на юг. Точный адрес куда – никто сказать не мог. Мама решила отправить и меня, а сама осталась в городе и записалась на курсы медсестер. В нашей группе оказалось около 100 человек в возрасте от 7 до 14-15 лет. Старших (10-15 лет) оказалось человек 20. Остальные (основная масса) – малыши 8-10 лет. Выезжали под ве-

чер с Московского вокзала. Целый состав из вагонов пригородного сообщения. Поехали, заснули. Посреди ночи проснулись от страшного грохота. Взрывы, прерывисто гудят паровозы, бегают и кричат железнодорожники. Велено из вагонов не выходить. Позже узнали, что это было Балогое. Минут через 10 нас куда-то повезли в темноту. Все стихло. Утром проснулись – рассвет, тишина. Стоим на станции Крестцы (Валдайского района). В прибывшем составе осталось всего 5 вагонов.

Пришли подводы, мы выгрузили свое вещи (рюкзаки, чемоданы) и выданные нам на дорогу продукты. Доставили нас на край города и разместили в 2-х этажной школе. Мы, старшие пацаны, вылезли на чердак осмотреться. Через дорогу от школы – поле. На поле по углам стоят деревянные вышки с счетверенными зенитными пулеметными установками и военные. На поле стоят 3-5 самолетов – истребителей И-15. Вскоре слышим, в небе гудят довольно высоко 9 самолетов. Пулеметы начинают строчить по самолетам. От самолетов отделяются черные шарики и падают вниз на аэродром. Взрывы, клубы огня и дыма, пыли – ничего не видно. Постепенно ветер уносит дым и пыль. Вышек нет. Факелами горят уцелевшие самолеты.

В этот же день пришли 3 подводы. Погрузили наше имущество и наша группа пешком за подводами

отправилась в деревню Мокрый остров в 9-10 км от Крестцов. Там, естественно, нас никто не ждал и помещать было некуда. Мужики срочно сделали нары в церкви на действующем деревенском кладбище, куда нас и поселили.

Днем над деревней низко летали немецкие «мессершмитты» с крестами. Видны были лица летчиков, смотревших вниз на землю. Иногда эти самолеты расстреливали из пулеметов сельсовет, над которым развевался красный флаг. Стреляли по обозам на дорогах. Очень часто сбрасывали в лесу парашютистов. Иногда деревенские мужики с «берданками», топорами и вилами вели через деревню в сельсовет таких пойманных диверсантов. Деревенские пацаны и наши бывало сопровождали такие конвои. Обо всем этом дети писали домой родителям в Ленинград, что ни на каком мы не на Юге, а около Старой Руссы, которую немцы уже взяли, что над головами летают немецкие самолеты и сбрасывают парашютистов и т.п. Однажды ночью нас разбудили и срочно велели собраться. Погрузили в грузовики и куда-то повезли. Утром проснулись в Ленинграде. Потом узнали, что родители, получив наши письма и зная обстановку под Старой Руссой, потребовали вернуть детей в Ленинград. В результате чего за нами и были посланы машины. Узнали и о том, что нам крупно повезло – буквально через день или два немцы перереза-

ли шоссе Новгород-Ленинград, по которому мы возвратились в город.

Дня через 2-3 после нашего возвращения немцы разбомбили «Американские горы» – в саду Госнардома (там где кинотеатр «Великан» и Зоосад) я смотрел с крыши нашего дома, они очень ярко и сильно горели. В городе уже были введены карточки. Мы были «прикреплены» к ресторану Чванова (угловой дом Большого пр. и Рыбацкой ул.). Приносили оттуда обед: первое и второе. Продолжалось это первую половину сентября. Помню, что котлеты из жмыха были оттуда очень вкусными.

Вернувшись в город, пошел записываться в свою школу на ул. Плуталова в 4-й класс. Школа уже не работала. В ней разместился военноморской госпиталь. В нем лежали в основном моряки и бойцы с кораблей после их прорыва из Таллина в Ленинград – печально знаменитая «таллинская эпопея».

Начались регулярные систематические воздушные тревоги, и мы каждый вечер (часов в 19-20) ходили в бомбоубежище в подвале дома. Потом к ним прибавились регулярные артобстрелы. В наш большой дом (Бармалеева, 4) попали 2 небольшие фугасные бомбы. Одна разорвалась на 7-м этаже, а вторая не разорвалась и застряла на чердаке. Ее обезвредили и вывезли саперы (под нашим, мальчишеским, «наблюдением», правда издалека).

Постепенно снижались нормы снабжения. Наступили холода. На-

чали умирать соседи. Замерз водопровод. За водой с санками ходили сначала на Неву, а в декабре – ко Дворцу культуры Ленсовета (тогда – ДК «Промкооперации») – там из люка тек ручеек чистой воды. Кружками черпали в ведро и везли домой. Пробовали есть все, что можно разжевать. Как мне уже потом призналась мама, ел я и суп из кошки (говорили что с кроликом) и знакомую собачонку – шницель под видом баранины, столярный клей. Вот, правда, «котлеты» из соломы из матраца на машинном масле «не пошли» – никак не мог проглотить. Все это тяжело вспоминать и давать оценку с позиций сегодняшнего дня. Но почему-то на меня, пацана 11 лет, очень сильное, неизгладимое впечатление произвела (и часто встает перед глазами) такая картина: Всех умерших в доме, кого не могли похоронить родственники и соседи, собирали по квартирам и подъездам и сносили в «Красный уголок» ЖАКТа – это 2 большие комнаты на 1-м этаже, где раньше проводились все общественные мероприятия дома. В марте, проходя по подъезду дома мимо «Красного уголка», я увидел во дворе около подъезда большую пятитонную машину-грузовик, и молоденькие девчонки лет по 16-18 (служба МПВО), одетые в ватники и ватные штаны, таскают из Красного уголка умерших и, раскачав, сбрасывают замерзшие трупы в эту машину. Загружено уже было выше бортов, и во все стороны торчат око-

ченевшие руки, ноги, головы, женские косы, лысины, кто голый, кто одетый....

В феврале была ранена моя мать. Она работала медсестрой в военном госпитале, который располагался в здании школы по Левашовскому проспекту, 5. Был артобстрел города. Она из своего отделения на 3-м этаже пошла на склад за медикаментами. Возвращаясь, входила в коридор своего отделения. В этот момент в окно одной из палат попал снаряд. Взрывной волной сорвало дверь, которой ей перебило ноги. Когда ходил навещать мать в госпитале со стороны Левашовского пр., видел развороченную стену и окно на 3-м этаже школы, а в развалинах проема был виден зацепившийся снаружи кусок железной койки с запутавшейся в нем человеческой ступней.

В марте маму выписали из госпиталя, а в конце марта – начале апреля мы (мама, бабушка и я) эвакуировались на машине по Дороге жизни через Ладожское озеро от Коккарево до Кабоны и до жел. дор. станции Жихарево. Эвакуировались мы на Северный Урал в г. Верхняя Тавда.

В конце 1945 г вернулись в Ленинград. Я в 1947 г окончил 7 классов, а в 1951 – техникум. За время учебы в школе и техникуме занимался парусным спортом. В 1949 и 1950 годах был чемпионом СССР по классу швертботов класса М.

В 1951 г поступил в Военно-морское училище (теперешнее ВВМУРЭ

им. Попова). Спорт пришлось оставить. По окончании училища в 1956г был направлен на Тихоокеанский флот, где служил инженером Радиотехнической службы эсминца «Вызывающий». В 1958 г. был направлен в Ленинградский военный институт, где занимался дозиметрической аппаратурой для первых отечественных атомных подводных лодок.

В 1956 г женился – жена Римма Евгеньевна проработала всю свою трудовую жизнь в институте Гипроникель – химик-технолог. Недавно отметили 52 года семейной жизни, вырастили и воспитали сына и дочь. Имеем 2-х взрослых внука и внучку. Сын пошел по моей стезе: окончил Нахимовское училище, ВМУ им. Фрунзе, прослужил на флоте 30 лет.

В Песочном, в Военно-морском городке живем с 1968 г. После демобилизации в 1982 г. работал начальником службы радиационной безопасности в ЦНИРРИ. Принимал участие в приеме жителей г. Припяти в клинику ЦНИРРИ, когда они прибывали к нам после аварии на Чернобыльской АЭС без какой – либо положенной в таких случаях первичной обработки.

С 2005 г. нахожусь на пенсии.

За время учебы в училище в 1952 и 1955 годах участвовал в ноябрьских военных парадах в Москве на Красной площади. Готовились так. Уезжали в Москву за месяц до парада. Каждый день, кроме воскресенья, строевые занятия по 5-6 часов. По мере готовности время со-

кращалось. Каждое утро в 8.30 наш «полк ВМФ» – 400 человек на крытых автомашинах отправлялись на Химкинский речной вокзал, на площади перед которым нам было выделено место для тренировок, где занимались до 13-14 часов.

На параде по площади должны проходить двумя батальонами. Батальон – это квадрат 20 x 10 человек: 10 шеренг по 20 человек в каждой. Дней 15 тренировались шеренгами только под барабан. Важно, чтобы в движении эта шеренга из 20 человек была абсолютно прямой («держала равнение»). По мере освоения этого уже переходили к занятиям в составе батальона под оркестр. Дней за 10 до парада начинались многочисленные проверки, смотры от московских гарнизонных «строевых ассов-полковников» до Министра обороны и ночные 1-2 репетиции на Красной площади. Морской полк обычно занимал место на площади и проходил перед мавзолеем с составе группы московских военных академий, и в группе мы были единственными, кто шел с оружием – карабинами, и поэтому выглядел более эффектно. Видимо поэтому нас заставляли повторять движения значительно реже.

Идти под оркестр по Красной площади очень сложно, так как на ней очень много мест, где возникает «эхо» и теряется такт, «сбиваешься с ноги». Но оба раза (и в 1952, и в 1955 годах) моряки прошли хорошо, под аплодисменты «трибун», и мы

получили благодарности от Министерства обороны.

Подготовка к параду, особенно в начале, когда еще мало, что получается, довольно тягостное занятие. Но быстро входишь в этот режим и начинает получаться. Зато каждое воскресенье и в будни после ужина – с 19.00 у нас были и посещения почти всех московских театров, включая Большой, и мюзеев. Были и в Кремле и мавзолее – в таких местах, где вряд ли удалось бы побывать.

Я на обоих парадах был правофланговым 6-й шеренги и довольно близко видел в ноябре 1952 г. т. Сталина.

2008 год

**Из воспоминаний
СМИРНОВОЙ
(ГАЛУНОВОЙ)
Прасковьи
Владимировны,
1927 г.р.**

Родилась в Ленинграде. Жили на Разъезжей улице, затем на улице Марата. Школу я окончила в 1941 году. Поступила в Некрасовское педагогическое училище. И тут началась война. Занятия не прекращались, но после лекций мы убрали город от мусора, чистили дворы.

8 сентября 1941 года началась блокада.

Особенно голодно было в декабре 1941–январе 1942 годов. Папу по возрасту на фронт не взяли, ра-

ботал в городе в отряде ПВО. Дома папа бывал очень редко. Часто в городе были бомбежки. Нас загоняли в бомбоубежище. Как-то только загнули в бомбоубежище, а кто-то дал отбой. Мы вышли на улицу и вдруг – мощнейший обстрел. Самолеты сбрасывали бомбы, кругом все горело, вой, свист. Загорелся Дом пионеров (рядом с Елисейевским магазином.) Мы прижались к дому и стояли как вкопанные.

Видела неоднократно, как везли покойников на саночках, без гробов, прикрытых чем-либо. На улице Правды, рядом с кинотеатром, была поликлиника, и я видела однажды, как два очень крепких мужчины грузили в грузовик трупы. А на улице Марата, д.76 была прачечная, там трупы сжигали.

Дома было очень холодно. Постоянно ходили в пальто, валенках. У нас была печка «буржуйка», но дров не было. Воду мы брали на Боровой улице (рядом с метро «Вла-

димирская».) Здесь была большая яма, в которую стекала вода из сломанного водопровода.

В июне 1942 года мы эвакуировались в Ярославскую область, но летом 1943 года вновь вернулись домой, в Ленинград. Знали, что здесь еще блокада, но очень тосковали по городу. Я продолжила учебу. Нас послали на торфоразработки в Гатчину. Жили в сарае, спали на нарах. Работали посменно, нам давали норму выработки. Домой ездили редко.

Большой радостью было для нашей семьи, когда нам дали маленький участок земли на 1-ой Муринской, там была большая площадка. Мы посадили картошку. Рядом с нашим участком была психиатрическая больница, больные залезали на деревья по ту сторону забора и спрашивали нас: «Мы разве психи?» Мы им отвечали, что они нормальные люди. Мне их было очень жалко. Осенью у нас выросла своя картошка. Это было настоящим праздником! Люди были добрые в блокаду, никто не воровал.

Весной я ездила в Шувалово, Парголово за травой. Собирала подорожник, лебеду, крапиву. Делали из них лепешки. Не помню как, но добывали картофельные очистки и делали из них котлеты. Это было настоящим объединением!

Когда узнали о снятии блокады, то плакали от радости, обнимались, кричали «УРА!» Я благодарна всем, кто помогал нам выживать в то суровое время. Пусть никогда, нигде не будет войны!

65 лет Победы доктора ФАДЕЕВА

В Курортном районе проходят торжественные мероприятия вручения медалей «65 лет Победы в Великой Отечественной войне». 24 февраля медали ветеранам вручали в Доме культуры и творчества в поселке Песочный. Среди награжденных был видный ученый, один из основоположников школы ядерной медицины, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела лучевой диагностики Российского научного центра радиологии и хирургических технологий (ЦНИРРИ) Николай Петрович Фадеев.

Николай Петрович рассказал, что, когда началась блокада Ленинграда, ему было 13 лет. Несмотря на

то, что отец, будучи инженером авиационного завода, формировал эшелон для отправки за линию фронта, семья не смогла эвакуироваться из Ленинграда. В 1942 году умерла мама и многие родственники. Отец, договорившись с военным летчиком, ночью вывез чуть живого Николая из Ленинграда. В Чкалове отец продолжил работу на авиационном заводе. Николай трудился там же до конца 1944 года. Благодаря отличной памяти, Николай наизусть помнил многозначные номера многих деталей. Ему доверили должность сначала диспетчера цеха, потом диспетчера летно-испытательной станции.

Самое тяжелое воспоминание

блокады - это бесконечные потери близких людей. . Первым был друг Юра Бойцов. Этот мальчик был настолько талантлив, что пел в хоре Дунаевского. Потом умерла мама.

Отдельная история про доноров того времени. В разгар голода молодежь приходила сдавать кровь, потому что за это давали паек. Некоторые потом даже до чашки чая не доходили, их выносили мертвыми. Мама его жены ходила сдавать кровь каждые 20 дней, благодаря чему они выжили.

Блокада была самым тяжелым, но не единственным испытанием Николая Петровича. В 1958 году направили на завод «Маяк» в Челябинск, где произошла атомная авария. В течение 40 дней он был ликвидатором. После возвращения в Ленинград получил правительственное назначение организовывать радиологические станции слежения радиоактивности внешней среды. И в областных центрах, начиная с Челябинска и до Камчатки, он принимал непосредственное участие в создании таких лабораторий.

Гульнара КУРБАНГАЛЕЕВА

PS. И сегодня профессор Фадеев в строю. Работает, полон сил и энергии. Пишет стихи. Занимается научной деятельностью. Написано 450 научных трудов, подготовил 25 учеников (кандидатов и доцентов), 9 монографий, 8 патентов на изобретение.

**Статья из газеты
«Вести Курортного района»,
2010 г.**

Из воспоминаний

ФЕДЯНИНОЙ

(МАРЕЕВОЙ)

Тамары Васильевны,

1930 г.р.

Всю войну жила в Ленинграде, никуда не выезжала. Когда началась война, было мне 11 лет. Жили на Малой Московской. Мама работала в Петропавловской крепости, была на казарменном положении, домой приходила раз в неделю. Приносила банку щей, где была только вода и немного капусты. Мама в Петропавловской крепости с другими служащими ремонтировала военное обмундирование. Я очень любила дуранду. Мечтала, что, когда закончится война, то буду есть только хлеб и картошку. Это ведь в воен-

ные годы было невозможно.

Я жила с двумя мамиными тетями. Они обе умерли от голода. Это: Мареева Любовь Ивановна и Борзова Наталья Ивановна.

Мне всегда хотелось есть, особенно по ночам. Что бы я ни делала – мысли о еде были всегда. Помогали мне хоть как-то утолить голод – бани. После прорыва блокады в городе открылись некоторые бани. И вот я почти каждый день ходила в баню. Почему?

Дело в том, что после бани я хорошо спала, и мысли о еде пропадали. Баня стоила недорого. Однажды банщица меня спрашивает: «Девочка, а чего это ты каждый день в баню ходишь?» Я ей ответила, что после бани я сплю хорошо и о еде не думаю. А так очень есть хочется.

В 1944 году, после снятия блокады, мама принесла как-то американскую шоколадку. Не знаю, но почему-то особой радости не было. Наверное, отвыкли за эти годы от шоколада и конфет.

В 50-х годах работала на заводе, где мы собирали первые телевизоры. Там и познакомилась с моим будущим мужем, он на заводе работал радиомонтажником.

Из воспоминаний

ЧЕПИКА

Олега Федоровича,

1933 г.р.,

ведущего научного

сотрудника, доктора

медицинских наук,

профессора

патологоанатомической

лаборатории

НИИ онкологии

им. профессора

Н.Н.Петрова

Я родился в Ленинграде. Война застала меня на даче в Девяткино. Был прекрасный солнечный день. Ничто не предвещало беды. И вдруг по радио объявили, что сейчас будет выступать Молотов. Он и объявил о начале войны. Мы с мамой сразу поехали домой. Тогда жили мы на улице Марата, в коммунальной квартире.

В сентябре 1941 года уже исчезли продукты. Помню: мы с мамой пошли в кинотеатр «Художествен-

ный», чтобы там в буфете что-нибудь купить. Купили последний пирожок.

Морозы начались рано. Мой дедушка – Крицкий Иван Александрович, очень известный кровельщик в Петроградском районе, поставил нам буржуйку. Папа ушел на фронт. Топить печку было нечем. Достать дров было нелегко. Жгли, что было дома.

Запомнился Новый год – 31 декабря 1941 года: было на «праздничном» столе 250 гр. хлеба и больше ничего. Вскипятили воду на печке, покрошили туда хлеб, и такой вкусной тогда нам показалась эта тюря. За хлебом ходил я. Было это небезопасно, но почему-то тогда страха не было.

В первое время при артобстре-

лах и бомбежках мы убежали в бомбоубежище, а потом поставили шкаф к окну и перестали ходить в укрытие. Бомбежки были страшные. Запомнился один эпизод. Мы с ребятами стояли в подворотне. Кто-то увидел, что из музея Арктики пускают ракеты. Об этом мы сразу же сообщили в милицию, потому что нам говорили, что это враги дают сигналы.

У нас в доме была очень хорошая управдом Нина Ивановна. Она всем давала по одному литру горячей воды. Всю зиму в домовой конторе работал кипятильник, и я каждое утро по обледенелой лестнице бегал за кипятком. Нина Ивановна заботилась о жильцах дома, о состоянии домовой территории.

Мама работала на железной дороге на ст. Навалочная. Работа была сменная – то в день, то в ночь. Я оставался один. Чтобы как-то забыть о голоде и холоде, очень много читал. Зажигал коптилку, надевал пальто, шапку, валенки, забирался под одеяло на кровать и так ждал маму. Особенно меня впечатляла книга «Марийкино детство». Там дети мечтали когда-то вдоволь поесть картошки с постным маслом. Я мечтал тогда тоже об этом и о возможности когда-то съесть целую буханку хлеба. С такими мечтами иногда и засыпал. Потом в квартире появились крысы, которые ничего не боялись, бегали, как хозяева дома. Я прятался под одеяло. Мама теперь боялась оставлять меня одного

дома и стала брать с собой на работу. Спал у мамы на работе на сундуке. Железную дорогу часто обстреливали и бомбили, но с мамой это было не так страшно.

Потом мама меня устроила в детский садик, хотя я уже был переростком. Сад находился при детской больнице в Волковской деревне. Когда нас выводили на прогулку, то мы ели липовые листочки, акацию и всякую зелень, растущую той ранней весной. Питание было скудное, но это лучше, чем дома, где вообще ничего не было. Каждое утро мы стояли у весов, на которых нам отвешивали положенную порцию хлеба. Это был детский контроль.

В сентябре 1942 года я пошел в школу на улице Зверинской. В школе было темно, холодно и сыро. Я вскоре заболел. Мама не знала, куда меня, такого слабенького, пристроить. Она смогла пристроить меня в школу №82 на Кировском проспекте. Учился вначале я неважно, часто ставил кляксы, если честно, то думы-то все были о еде, а не об учебе. Однако ко второму классу я стал отличником. Очень хорошо помню нашу учительницу – Галину Яковлевну Вангенгейм. Худенькая, сама голодная, Галина Яковлевна всегда делилась с учениками своим маленьким пайком. Некоторые дети на уроках падали в обморок от голода. И видеть это учительнице было очень больно. В школе о нас заботились, как могли. Как-то к нам приехали моряки с концертом, дали нам

какие-то гостинцы. Забота о детях была всегда.

В школу мне приходилось добираться на двух трамваях. Обстрелы были постоянными. Когда трамвай не приходил, то я шел пешком по Садовой улице и через Крюковский мост.

Помню, как-то у нас шел урок, и начался сильный обстрел. Мы все спрятались под парты. Мне показалось тогда, что прошла вечность, пока этот обстрел не прекратился. Когда я вышел из школы на улицу, то увидел жуткую картину: кровь, разбитые стекла, осколки от снарядов, куски кирпича. В этот день я пошел к бабушке, т.к. жила она не так далеко от школы – на улице Кропоткина. Рядом находилась тепловая электростанция. Немцы постоянно вели прицельный огонь по ней, но разбить ее им так и не удалось, хотя пострадали многие дома вокруг.

Однажды, когда я был у бабушки раздался сильный грохот. Все загудело, из окон посыпались разбитые стекла. Моя бабушка была ранена осколком снаряда. Очень скоро приехали сандружинницы, перевязали раненых. Через час уже вместо выбитых окон вставляли фанеру. Наконец все успокоилось, я вышел на улицу и увидел, что половины бабушкиного дома нет – он был разрушен.

В 1942 году погибли бабушкина дочь, военврач II ранга, Нина Ивановна Леничева (незадолго до смерти она была награждена орденом

Отечественной войны I степени) и единственный 19-летний сын Виктор, морской пехотинец.

В 1943 году, после прорыва блокады, меня направили в пионерский лагерь, для подкрепления, в Песочную. Мама получила путевку от работы. Приехали мы все со своими подушками, одеялами. Располагался лагерь на месте, где сейчас торговый дом «Вимос». После жутких бомбежек Ленинграда, Песочный нам показался очень тихим и спокойным. Людей практически не было видно. Было пустынно и тихо. Обстрелов не было. Там, где сейчас улица Краснофлотская, начинался лес, никаких построек еще не было. Там мы собирали ягоды и грибы. Помню, как нас воспитатели водили на речку, между Дибунами и Песочной, и клали нас на пригорочек, чтобы мы позагорали, окрепли. Я засушил немного грибов и собрал ягод, чтобы угостить маму. В местном магазине я купил две пачки махорочной пыли для мамы, которая в блокаду начала курить, чтобы притупить чувство голода. В Песочном я был недели три. Здесь нас, ленинградских ребятишек, хорошо подкормили. После прорыва блокады мы все почувствовали облегчение, нормы питания повысились. Позднее я был во многих пионерских лагерях, но самым памятным остался лагерь в Песочном.

Дальнейшее обучение продолжил уже в своей школе № 301, на Лиговском пр. Там я окончил 10 клас-

сов. Не любил математику, хорошо знал литературу и русский язык, хорошо писал сочинения. Активно занимался спортом. Куда поступать не знал. Мой друг сагитировал меня поступить в медицинский институт. Имел значки ГТО, третий разряд по шахматам и по плаванию. Это очень помогло при поступлении. Так я стал студентом первого медицинского института им. Павлова. Институт я закончил с отличием. Три года отработал в Вологде. Сначала участковым врачом, затем работал в терапевтическом отделении. И вот уже почти 50 лет работаю в институте онкологии им. Петрова в пос. Песочный, патологоанатомом. В 1967 году был назначен экспертом Всемирной Организации здравоохранения. В 1969 году защитил кандидатскую диссертацию, а спустя 20 лет – докторскую, через два года получил звание профессора. Подготовил 12 кандидатов и одного доктора медицинских наук.

Неоднократно бывал в зарубежных командировках – в Швейцарии, США, Дании, Финляндии, Франции.

**ШУСТИЦКАЯ
(ТИХОНРОВОВА)
Кира Викторовна,
1932 г.р.**

Всю блокаду – 900 дней – провела в Ленинграде. В июле 1941 года ходили по домам и предлагали, чтобы детей эвакуировали. Но я подвела ногу, и мама меня не отпра-

вила. Так я и осталась в городе. Жила на Васильевском острове, папа работал диспетчером на Московском вокзале. 29 января 1942 году ушел на работу и не вернулся. Мама пошла за дровами к папе на работу с саночками, а его там нет. Зашла к его брату, и там его нет. Так ни с чем и вернулась мама. Папа замерз по дороге домой.

Мы лишились рабочей карточки. Остались детская и иждивенческая. Нас пожалели и на февраль дали рабочую. В феврале мама устроилась работать в Старую Деревню, бухгалтером. В совхозе Приморского района, в Старой Деревне, мама раньше работала, а сейчас там не было бухгалтера и попросили маму. С 1 марта 1942 года мы стали жить в Старой Деревне, в небольшом деревянном домике нам выделили комнатку. Но карточки, по-прежнему, выдавали по месту прописки – на

Васильевском острове. Я ходила пешком за хлебом. Весной пошла травка, да и дрова были, – это тоже позволило выжить.

Бомбежек не боялась – дом одноэтажный. Рядом с нашей квартирой, в Ленинграде, жила ученная – полярник, одна из первых женщин СССР имела орден Красного Знамени – Русинова Ирина Леонидовна. Умерла от голода. Целый месяц лежала мертвой. Вообще покойников на улице много было.

В конце октября 1943 года мама уехала (после прорыва блокады стали ходить трамваи) в город, чтобы получить карточки на ноябрь. Когда ехала обратно, потеряла сознание и попала в больницу, диагноз – истощение. Весила она тогда 42 килограмма. Требовалось усиленное дополнительное питание (а в народе расшифровывали по-своему – умрешь днем позже.) Я ждала маму, а она не возвращалась. 1 ноября и карточек уже не было, и мамы нет, и, неизвестно, где она. Учительница поделилась со мной своим завтраком. Потом меня позвал директор и сказал, что мама в больнице. Мне надо было съездить к маме и взять свою карточку, а мамина в больнице – там ее кормили. К маме меня не пускали – там был карантин. Я очень плакала. Медсестра пожалела, отвела к врачу, который выдал пропуск. Мама в больнице была 35 дней. Я ездила к ней, иногда даже часть своего хле-

ба отвозила. Жила я одна и все делала сама, порой помогали соседи. Трудно было растопить печку, так как дрова были сырые. Меня пожалели и от маминой работы дали на зимние каникулы путевку в пионерский лагерь. Там я пробыла 10 дней. Приехала домой, а там жуткий холод. Мария Нестеровна Король, мамина сослуживца по работе, взяла меня к себе, там я и жила до маминой выписки из больницы.

18 января 1943 года – в день прорыва блокады, в школе был большой праздник, Я выучила стихи. Это был самый большой праздник за войну.

Весной ели крапиву, корни лопуха, подорожник. Рядом совхоз, где мама работала. Премию выдавали овощами: брюквой, морковью, капустой. Это тоже дало возможность выжить. Весной мы высаживали глазки от картофеля. И к осени у нас выросла своя картошка.

Дисциплина в совхозе была очень строгая. За пучок редиски сажали. Но я ходила в поле – хоть там поесть что – то.

О Победе узнала от подружки. Очень мы тогда радовались. Женщина, которая охраняла оранжерею, так обрадовалась, узнав о Победе, что ее сердце не выдержало, и она умерла. В Ленинград мы переехали в 1946 году.

Вспоминать трудно. Много горя! Но люди добрые!!!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА

Виктор Иванов

**ГЕРОЯМ ТРУДА-
НАШ БОЕВОЙ ПРИВЕТ!**

*Из воспоминаний
ДАНИЛОВОЙ
(БЕЛЯКОВОЙ)
Валентины Ивановны,
1930 г.р.*

Родилась в Тверской области, Бежецкий район, там и встретила войну. Тогда шел мне одиннадцатый год. Нас у мамы было четверо детей. Папу сразу же взяли на фронт. Погиб папа в первый год войны. Младшей сестренке было всего 2,5 годика, а старшей – 15 лет. Ее отправили сразу на лесозаготовки, а я осталась за старшую. Ухаживала за хозяйством, стирала, готовила.

Ожесточенные бои шли уже в Калинин, это в 100 км. от нас. Враг подходил все ближе к Бежецку. Сожжено село Селижарово, Константинов. Город Ржев горел. В 8 км. от Бежецка строился подземный аэродром, там стояли воинские части. Потребность в рабочей силе была, т.к. аэродром нужно построить нужно было в короткие сроки. Мы там работали, за это нам давали еду.

Работали мы, подростки, в колхозе. Старенький бригадир наряжал нас на работу. Сами запрягали лошадей, сами сеяли, пахали, убирали урожай и все отправляли на фронт. Мы понимали, что это нужно для победы! Работали с утра до вечера. Голод присутствовал всегда, ведь домой нельзя было принести даже горсть зерна. Наказание было очень суровым. За работу давали некачественное зерно и жмых. Одежды не было, а главное обуви не было никакой. А работать надо.

Запомнился один случай. Работали осенью на поле – жали рожь. В тыл прорвался немецкий самолет. Спустился низко-низко. А спрятаться нам негде. Поле как на ладони. Самолет спустился так низко, что четко видно было лицо немецкого летчика. Это продолговатое лицо, его желтые зубы преследуют меня и сегодня. Он так смеялся. Наверное, он в этот момент считал себя властелином над судьбами беззащитных детей и женщин, которые оказались у него под прицелом. Долго он издевался тогда над нами, кру-

жил и смеялся. Но бомбить почему-то не стал. Улетел. Через несколько минут снова прилетел и недалеко от нас сбросил бомбу.

Очень ждали писем с фронта от папы. Но вместо письма получили похоронку. Мы выжили, но дистрофия была почти у всех детей.

Мой наказ молодежи – не забывайте те времена, уважайте старших, берегите мир! А секрет нашей победы прост: труд спасет человека и страну в самый трудный период.

Апрель 2009 г.

**Из воспоминаний
ЛАУНЕЦ
Валентины
Александровны,
1931 г.р.**

Войну встретила у бабушки в Калининской области, Торжокский район. 17 июня 1941 года меня привезли к бабушке на лето, а уже 22 июня началась война. Война очень скоро дала о себе знать. Калинин от нас недалеко. Наши войска отступали, а немецкие наступали через нашу деревню. Было очень страшно, даже через дорогу не перейти было. Деревня переходила из рук в руки, то нашим, то немцам. Переводчик, который жил у нас, сказал, что им (немцам) не победить в этой войне. Взять деревню нашим было нелегко, т.к. там оставалось мирное население, в основном женщины, старики, дети. Открыть огонь, значит погубить и мирное население.

ние. Но все-таки смогли они нас переселить в другую деревню, в пяти километрах от нашей. Немцев наша армия быстро выгнала, что было это нелегко, я поняла это еще тогда. Мы с бабушкой пошли проведать дом, увидели тогда страшную картину: на целый километр лежали убитые наши солдаты. Так, ценой собственной жизни, они защитили нас, беззащитных детей и стариков. Вечная им память!

В деревне все, от мала до велика, работали. Мы, дети, наравне со взрослыми теребили лен, косили траву, убирали зерно. Деревню часто обстреливали. Я видела, как летали немецкие самолеты и безжалостно кидали бомбы, хотя они прекрасно знали, что их снаряды летят

на детей. Были дни, когда мы по несколько дней не выходили из дома из-за сильных обстрелов. Страшно, жутко даже сегодня вспоминать об этом. Ели то, что было. Помогали друг другу, иначе не выжили бы. Жили одной большой семьей. Горе одной семьи было горем для всей деревни, радость тоже была общей. Я твердо уверена, что именно это помогло выжить.

Мы, дети, работали все лето и половину осени, а зимой ходили в школу. В школе мы готовили концерты и выступали перед ранеными. Раненые очень ждали этих концертов, ведь почти у каждого из них была семья, дети, которых они давно не видели. А мы ответственно относились к каждому такому мероприятию.

Папа мой ушел на фронт. С войны пришел инвалидом, в одном из боев его контузило. Умер рано, в 50 лет. Мой брат, Виктор, ушел так же добровольцем на фронт. Воевал под Сталинградом. Заезжал к нам в Калинин. Погиб в Белоруссии, в конце 1943 года. Сохранились его письма, которые говорят о том, что любовь к Родине для бойца была превыше всего.

В 1944 году умер мой дедушка, а бабушка болела. Так в 1944 году по вызову я приехала в Ленинград, где осталась мама и моя старшая сестра. Ленинград показался мне тогда сумрачным и мрачным. Много домов с фанерными окнами, многих вообще нет – разбомблены. Но лица

ленинградцев выражали уверенность в победе.

Начался новый период – период восстановления нашего любимого города, который выстоял, не сдался, не покорился.

**Из воспоминаний
ТУРКИНОЙ
(КОРОЛЬКОВОЙ)
Зинаиды Ивановны,
1928 г.р.**

В поселке Песочный я живу с 1946 года, а войну встретила в Смоленской области.

Все пришлось делать в войну: окопы рыть, сеять, пахать, разгружать вагоны, была и на лесозаго-

товках – сами валили деревья.

Очень голодно было. В 1943 году домой отправили меня, т.к. были мы сиротами. Председатель колхоза отправил меня на ускоренные курсы ветеринаров. Работала я не только ветеринаром в колхозе, но и в поле ходила, пахала, молотила, жала. Борону приходилось таскать на себе, так как лошадей не осталось. За работу начисляли трудодни. Работали все с утра до вечера – без выходных.

Сегодня я довольна жизнью. Люблю во всем порядок. Судьба отблагодарила меня за все страдания: у меня хороший сын, невестка, два внука.

**Из воспоминаний
ШЕШУКОВОЙ
(СТЕПИХИНОЙ)
Веры Ивановны,
1932 г.р.**

Родилась я в Ленинграде, а войну встретила в Ярославской области, потому что отдыхала у бабушки. Папа сразу ушел на фронт, но вернуться с войны не суждено ему было – погиб.

Там где мы жили, проходила железная дорога, поэтому обстрелы были частыми. Жили первое время в землянках. Если шел поезд, то его сразу же бомбили. Как это ужасно! Страшно!

Мы, дети, помогали колхозу. Работали наравне со взрослыми. Сено сушили, зерно возили в заготконтору, лен теребили. Мужчин в дерев-

не не осталось, так что всю мужскую работу выполняли женщины. Нам, детям, поручали отвозить зерно в заготконтору за тридцать километров. Лошаденки были тощие, едва живые. Приходилось самим тянуть подводу. Лошадей подвязывали, чтобы те не упали. Да и мы то были едва живые, еда была скудная – и той не вдоволь.

Вечерами вязали носки, варежки для солдат. Отправляли на фронт. Хоть и говорят, что в деревне было легче, я бы не сказала, что это совсем так. Ведь за работу нам не платили. А если дома был огород, скотина какая, то почти все шло на фронт. Собирали на поле мерзлую или гнилую картошку и пекли из нее лепешки. Хлеба не было. Дров ведь

тоже надо было самим наготовить. А кто эти сами: детишки, женщины. Так все и работали целыми днями, без выходных. Приходили домой едва живые. И сколько ты принесешь из леса дров, верней не дров, а хвороста? Вспоминать это так нелегко.

Когда мы приехали в Ленинград после войны, то наша квартира была занята. Остановились у родственников. Потом дали общежитие. С 1950 года проживаю в Песочном. Надеюсь, что когда-то буду и я жить в теплой, благоустроенной квартире, где не надо будет топить, носить воду.

А главное, конечно, чтобы никогда на свете не было войн! Пусть всегда будет Мир!

Январь 2010 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УЗНИКОВ ФАШИСТСКИХ ЛАГЕРЕЙ

**Из воспоминаний
ШИПИНОВОЙ
Анны Ивановны,
1939 г.р.
(по рассказам
мамы о войне)**

Родилась я в Новгородской области. Там и встретила наша семья войну. А семья была у нас большая: мама, папа и пятеро детей. Старая Русса от нас в 16-и км. Бои в этих местах начались скоро и были они страшные. Снарядом разнесло на щепки наш дом. Мы стали жить в бане, но и баня вскоре сгорела от попадания снаряда. Баня загорелась ночью, мы спали. Мама, спасая детей, сильно обгорела, но всех нас спасла. Многие

из нашей деревни, и мы в том числе, ушли в лес к партизанам. Ютились в землянках. Шло наступление противника, наши отходили, а женщины с детьми уйти не смогли. Так оказались в окружении противника. Немцы собрали мирное население, в основном женщин и детей, и погнали в Псковскую обл. Гнали быстро. Остановиваться без разрешения было нельзя. Спереди, сзади, по бокам – охрана. Женщины шли с рюкзаками за плечами, на руках малые дети. Финны, которые служили в карательных отрядах, смеялись, подходили, разрезали рюкзаки с житом. Остановиваться было нельзя, а то сразу же расстреляют. Оказались на станции Ашево. Держали нас там долго. Сестра моя и тетя вскоре умерли от голода. Нас с мамой не разлучили. Жили все в сарае. Спали на соломе. Кто-то заболел тифом в одном из сараев, и тогда немцы подожгли керосином этот сарай с людьми. Какой был крик. Женщины пытались спасти своих детей, но их тут же расстреливали.

Кормили нас один раз в день. Мы выстраивались в очередь за жидким бобовым супом. У меня была консервная банка для еды. Я брала еду, шла в сарай. Внача-

ле ставила банку с едой, потом перелезала в сарай сама. Среди немцев были хорошие солдаты. Втайне от своих давали нам шоколадки, показывая на пальцах, что у него тоже трое детей дома.

Потом нас повезли на запад. В 1943 году нас привезли в Прибалтику (Латвия). Нашу семью долго не брали, так как у мамы было четверо детей, а кому нужны такие. Многих, кто не нужен, расстреливали. Наверное, и нас ждала такая участь. Но какая-то сила нас спасла. Один латыш подошел к маме и спросил: «Что вы умеете делать?» – «Все!» – ответила мама. Так мы попали к Янису. Был он злым и жестоким. Того кто его не устраивал, он ночью отвозил в лес и там расстреливал. Но и на этот раз мы выжили.

Мама выполняла всякую работу: сеяла, пахала, убирала скотный двор. А дети, кто постарше, также выполняли все работы по хозяйству.

В памяти у меня остались некоторые эпизоды, которые забыть невозможно. Помню, как всегда хотелось есть. Как-то я проходила мимо собаки, которая ела булку с маслом. Я подошла (быстро ходить не могла, был сильный рахит) к собаке, выхватила этот

кусок и стала есть. Собака меня укусила и убежала. Запомнилось и то, как летали самолеты. Если сбивали немецкий самолет, то мы радовались, а за самолеты с красной звездочкой, наши, переживали. Отчетливо сохранился и такой эпизод. Я пошла к подружке. С другой стороны дороги ехала бричка, которой управлял мужчина, а рядом с ним сидела женщина. Ехали они быстро. Вдруг их догнала черная машина, оттуда вышли немцы, скрутили мужчине с брички руки и повели к оврагу. Женщине сказали, чтобы она быстро уезжала и не оглядывалась, а то и ее расстреляют. Помню, как этот мужчина кричал женщине, чтобы она не оборачивалась. А мужчину расстреляли в овраге.

В 1944 году наша армия освободила нас. Было много танков, машин. Я спряталась. За все эти годы, мы, дети, были так напуганы. Практически у каждого из нас был рахит. Как затравленный зверенок смотрела я на огромное количество техники, людей. Но быстро поняла, что это наша армия пришла освободить свой народ.

День Победы забыть невозможно. Русских солдат было много. Все кричали, плакали, обнимались, меня бросали вверх.

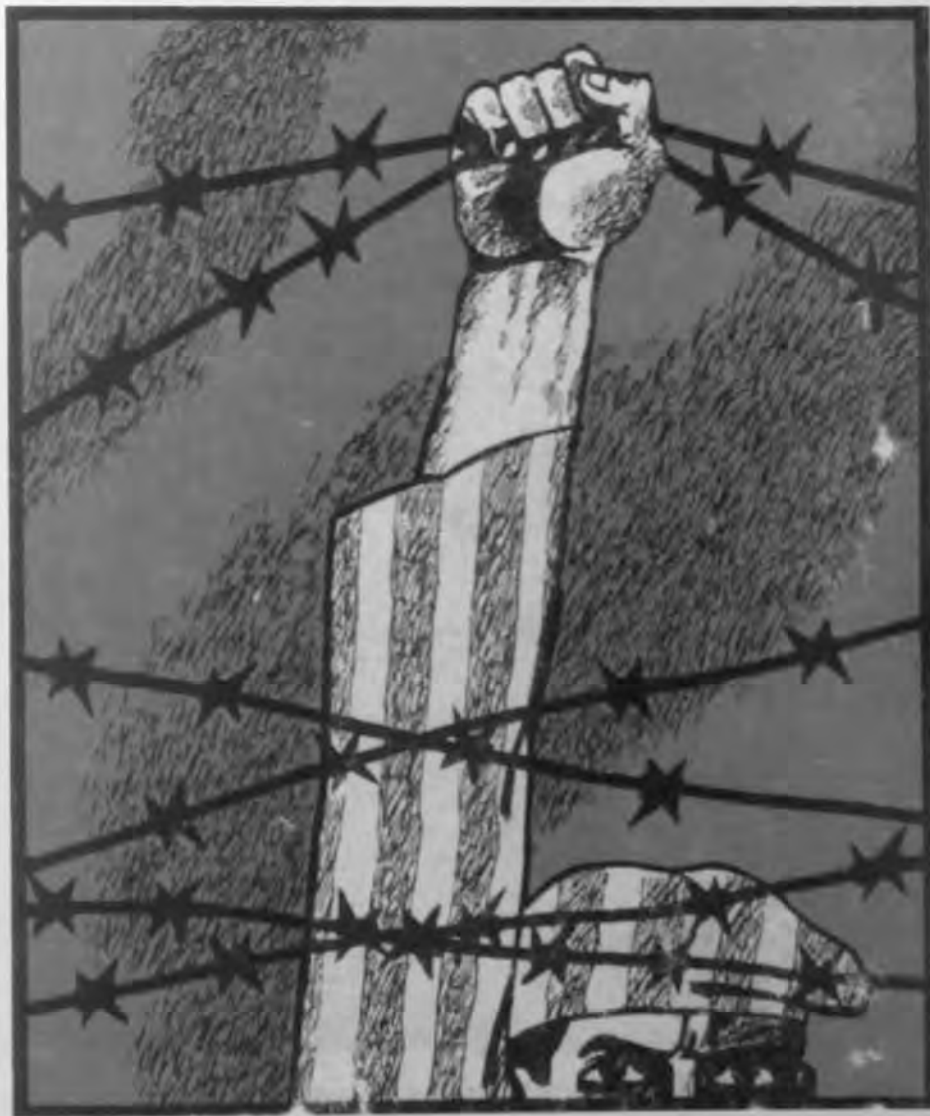
В 1947 году отменили карточную систему, латышей выселили в Сибирь. Домой мы приехали лишь в 1955 году. Я окон-

чила 8 классов, затем торговый техникум в Боровичах, вышла замуж и переехала в Осиновую Рошу, потом в Песочный. Так здесь и живу.

Я благодарна своей маме, всем людям, которые в такое

трудное, военное время, где смерть и горе, спасали нас, детей!

Пусть на земле никогда не будет войн! Пусть никогда невинные дети не будут жертвами войн. Пусть люди дарят друг другу дружбу и уважение!

ДЕТИ О ВОЙНЕ

Затем, чтоб этого забыть
Не смели поколенья,
Затем, чтоб счастливей нам быть,
А счастье – не забвенья!

А.Твардовский

Ведь эта память—
Наша совесть.
Она,
Как силы, нам нужна.

Ю.Воронов

Рисунок КИРПИЧЕВА Евгения, 6-й класс

Из школьных сочинений на тему «Война в судьбе моей семьи»

В России нет ни одной семьи, которую бы не коснулась Великая Отечественная война 1941-1945 г. Война унесла жизни миллионов людей. Затронула она и нашу.

Мой прадед, Макаров Григорий Петрович, был офицером, окончил военное училище и был отправлен на фронт. Он прошел войну, дошел до Берлина.

Казалось бы, вот она, мирная жизнь! Но прадед умер от ран, полученных на войне в 1945 г. У него остались жена и двое детей. Горе коснулось и их, они жили в блокадном Ленинграде.

А вот моему дедушке, Макарову Евгению Григорьевичу, было три года, когда началась война, его сестре чуть меньше.

Дедушка рассказывал мне, что в его детском сознании долго сохранялся такой эпизод, как их эвакуировали на баржах. И на одну из них они опоздали, а в нее попала бомба немецких бомбардировщиков.

Наверное, это судьба, и роду Макаровых суждено было продолжаться. Наверное, поэтому живу я. Наверное, поэтому обязан знать и помнить историю своей семьи, передавая ее из поколения в поколение. Дед вспоминал, что в Сибири, куда их эвакуировали, он увидел на улицах много кошек и собак. И тогда подумал, будучи ребенком, что здесь люди живут богато: в блокадном Ленинграде ведь не было этих

животных...

Всю жизнь он помнил сибирские пельмени и гостеприимных сибиряков.

Коснулась блокада и моей прабабушки по папиной линии, Музыченковой Веры Антоновны. Всю блокаду она с семьей жила в Дибунах, неподалеку от Песочной. И я помню, как прабабушка рассказывала мне про голод, холод, смерть детей и взрослых, как они ели траву, как ходили за 125 граммами хлеба на Удельную. Два прабабушкиных бра-

та погибли в первые годы войны. Она и до сих пор живет в Дибунах. Ей сейчас 83 года.

Храбро сражались наши воины на фронте, но и в тылу люди ковали победу. Мой прадед по линии мамы, Лебедев Иван Александрович, в годы войны был начальником вокзала г. Бологое. Железную дорогу бомбили ежедневно, ведь это был важный стратегический военный объект, железнодорожный узел между Ленинградом и Москвой. День и ночь железнодорожники восстанав-

ливали пути.

Иван Александрович Лебедев, мой прадед, которым я, его внук, живуший в 21 веке, горжусь, награжден орденом Ленина, орденом Красного Знамени.

Рано закончились и его жизнь, он умер в 1959 г.

Его жена, моя прабабушка Лебедева Вера Никаноровна, растила в войну пятерых детей. Она вспоминала, что до войны была модницей и имела много красивых платьев. А в войну прабабушка обменяла все

Рисунок ЮСУПОВОЙ Луизы, 5-й класс

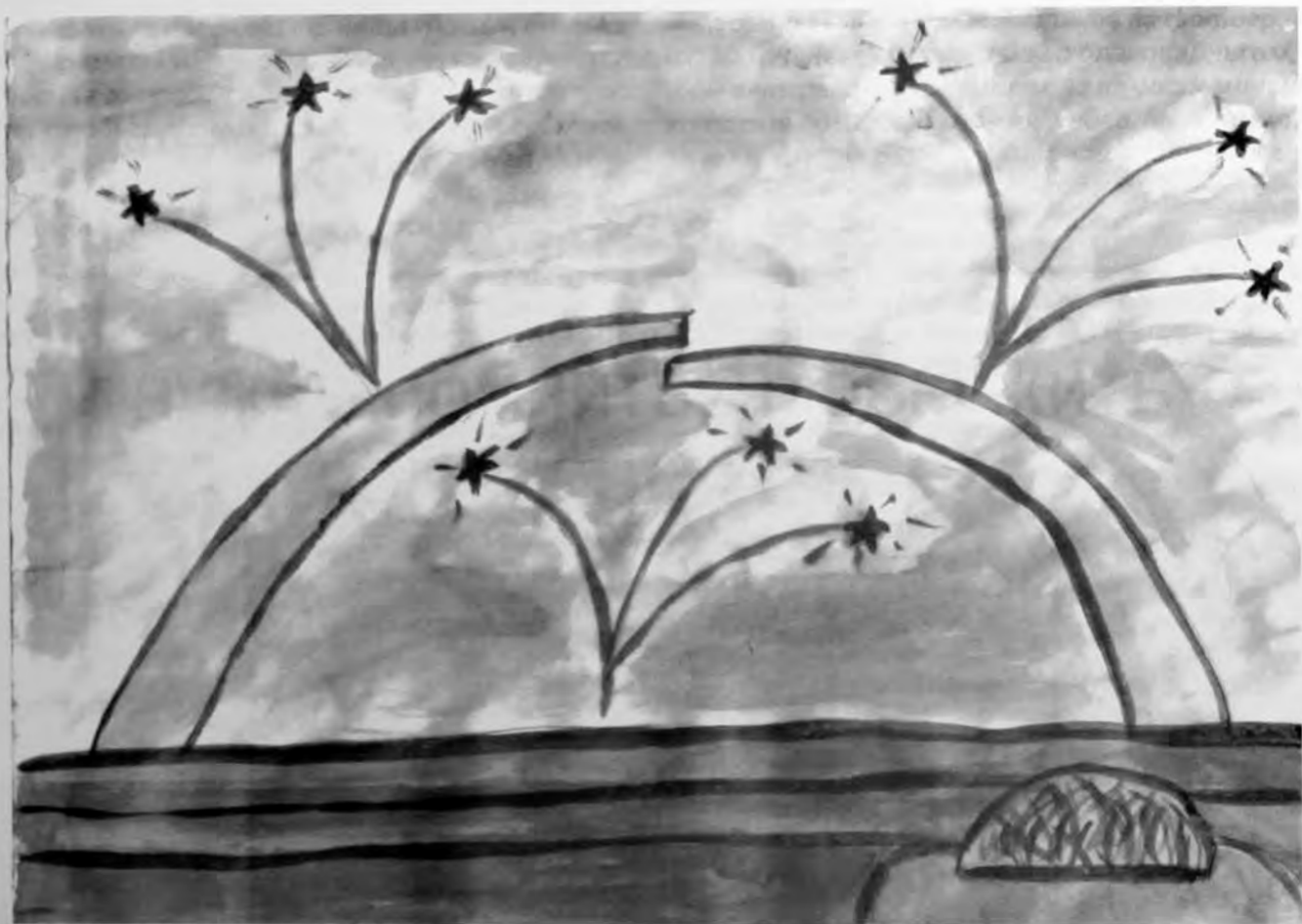

Рисунок СВИНЦОВОЙ Анастасии, 5-й класс

свои наряды... на хлеб. Обменяла, чтобы прокормить детей.

Прабабушка всю войну и всю свою жизнь работала учителем в школе. Она вспоминала, что дети учились в холодных классах, голодали, но не пропускали уроки.

Давно закончилась война, но она оставила след в судьбах уже не одного поколения. Мы не должны забывать о своих родных, которые

прошли ужас и лишения военных лет, чтобы такое больше никогда не повторилось на Нашей Земле!

АЛЕКСЕЕВ Андрей,
ученик 6 класса
437 школы

Моя бабушка, Титивина Людмила Ивановна, во время блокады была маленькой девочкой. Ей было 4 года. Во время блокады, со слов бабушки, ее мама искала еду на пе-

редовой. От нехватки еды дети были измождены. И ей приходилось варить суп из клея и опилок. Бабушкин брат от нехватки еды дважды умирал... от голода.

И от бомбежек они прятались так. Сил, чтобы спуститься в бомбоубежище не было, поэтому мама моей бабушки укладывала всех на кровать, накрывала одеялом и при этом думала:

– Если суждено погибнуть – погибнем все вместе.

Пережив те горестные годы, старшее поколение трепетно относится к хлебу.

Я рад, что моя бабушка осталась жива. Вся моя семья бережет бабушку...

**КИРПИЧЕВ Евгений,
6 класс**

...Великая Отечественная война оставила свой след в истории каждой семьи нашей страны. Но общее горе сплотило всех людей.

Выросло уже не одно поколение, изменилось многое в нашей жизни. Обидно и неправильно, что вспоминаем о тех днях и ветеранах так редко. А их становится все меньше и меньше год от году.

Я о бабушке своей хочу рассказать – Силковой Галине Ивановне. Сколько ей вынести довелось! Сколько выстрадать! Мужчины ушли на фронт, дома остались стар, да млад. У людей была надежда – война – это ошибка, – пройдет несколько дней – и все закончится...

Но горе затянулось на годы... Бабушка моя работала водителем трамвая, когда началась война. Январские морозы, голод, бабушка ведет трамвай по Троицкому мосту (в блокаду Кировский) В это время начинается обстрел, и бабушку ранило осколком. Затем госпиталь...

Долгие блокадные дни и ночи. Стоят трамваи, кажется все умирает...

**СИЛКОВА Елизавета,
ученица 6 класса
437 школы**

Рисунок ЮСУПОВОЙ Луизы, 5-й класс

Закрывается последняя страница книги. А сколько еще воспоминаний, горечи, боли, переживаний осталось за ее пределами. Порой нет уже ни сил, ни слов, чтобы рассказать все, что еще осталось на душе, все, что пережили. Да это, пожалуй, и не удастся, потому что каждое воспоминание – это страдание. Читатель прикоснулся к истории, мо-

жет быть, узнал наших земляков на фотографиях. Мы очень признательны и благодарны им, нашим ветеранам-песоченцам, за их воспоминания, которые помещены в этой книге. Мы понимаем, что непросто было им «перелистывать» свою жизнь. Но мы также знаем, что нам, их потомкам, это нужно помнить, чтобы жить.

65-летию Великой Победы посвящается **НУЖНО ПОМНИТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ**

Издание Органов местного самоуправления МО поселка Песочный

**Благодарим за участие в издании сборника
Генерального директора ЗАО «Метробетон»
Владимира Васильевича КОНДРАТЕНКО**

Составитель – Л.Ф.Бронзова

Редакционная коллегия – Т.И.Семиногова, Л.С.Стриженов, В.А.Соловьев

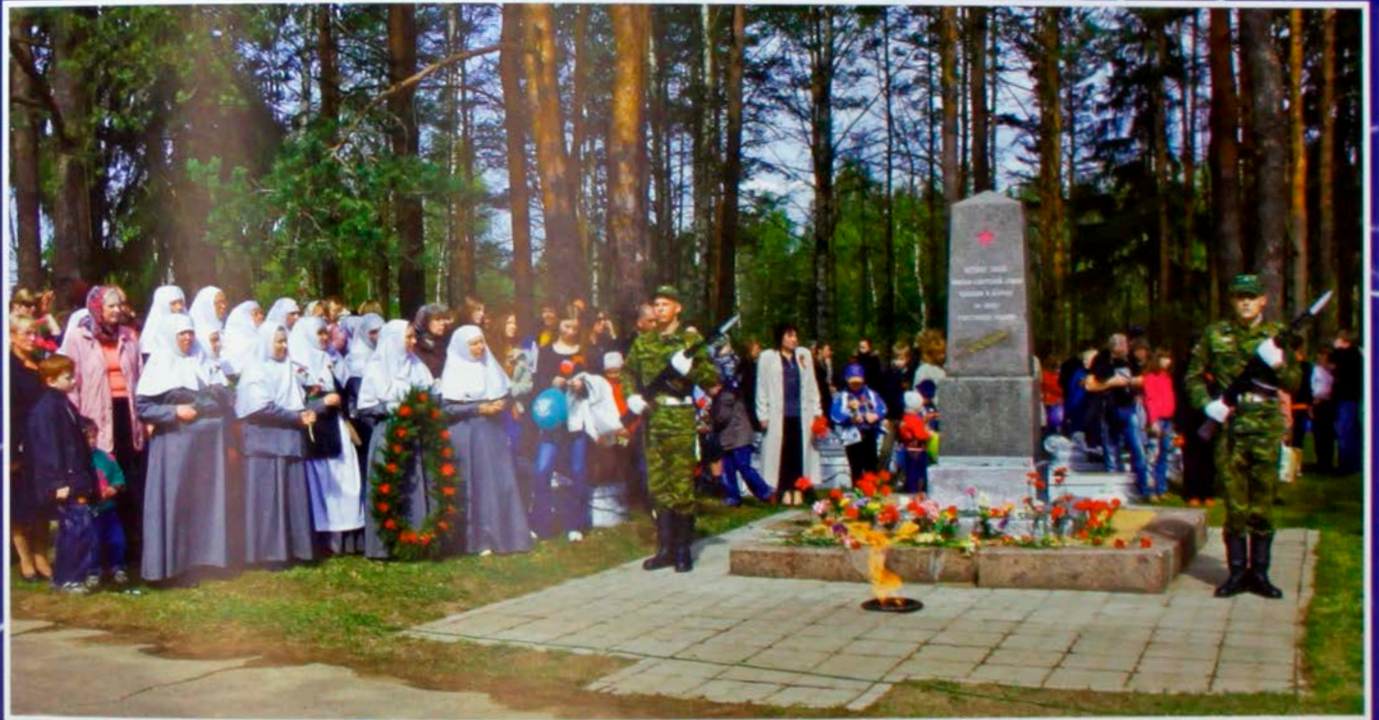
Фото – Т. и А. Курбатовы

Дизайн и верстка – Б.О.Калашников

Издатель – ИП Кондратьева А.А.

Тираж 500 экз.

1945

2010

